

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ .

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

Губернаторъ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ.

МОСКВА

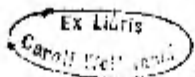
ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^я.

—
1860

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ Москва, 18-го января 1860 года.

Цензоръ *Н. Гиларовъ-Платоновъ*.

КНЯЗЬ МЕНЫНИКОВЪ

И

ГРАФЪ МОРИЦЪ САКСОНСКІЙ

ВЪ КУРЛЯНДІИ

1726 — 1727.

Договоромъ, заключеннымъ 1561 года, ноября 28-го, между польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ и гросмейстеромъ ливонскихъ рыцарей, Готгардомъ-Кетлеромъ, Курляндія (въ теперешнихъ границахъ ея) возводилась въ самостоятельное герцогство подъ управленіемъ династіи Кетлеровъ, наследственное въ нисходящей линіи этого дома, и подъ верховнымъ покровительствомъ польскаго королевства.

Договоръ этотъ, называемый *pacta subjectionis*, предоставлялъ герцогамъ всѣ права независимыхъ государей, за исключеніемъ права объявлять войну; они содержали небольшое національное войско, чеканили монету съ своимъ изображеніемъ, вели дипломатическія сношенія, лишь бы сношенія эти не противорѣчили политикѣ покровительствующей державы. Курляндія имѣла собственную казну, изъ которой производились расходы на общественныя надобности, имѣла совершенно самостоятельное внутреннее управленіе, во главѣ котораго былъ совѣтъ герцогскій, называвшійся верховнымъ *Oberrath*, и наконецъ свое государственное господствующее вѣроисповѣданіе,—протестантское, къ которому былъ обязанъ принадлежать герцогъ.

Такія отношенія не удовлетворяли однакожь ни Польши, ни Курляндіи; каждая сторона имѣла свои особые виды, преслѣдовала свои отдѣльные интересы и недовѣрчиво смотрѣла на дѣйствія другой стороны; естественное желаніе Курляндіи, какъ каждой нѣсколько самостоятельной страны, сохранить свой языкъ, свою религію и свое внутреннее управление неприкосновенными, казалось подозрительнымъ польскому правительству и католическому духовенству, значеніе котораго, какъ извѣстно, усиливалось въ Польшѣ по мѣрѣ того, какъ оно ослабѣвало въ остальной Европѣ. Но чѣмъ сильнѣе было стремленіе Польши притянуть къ себѣ Курляндію, тѣмъ болѣе она наклонялась къ единовѣрной и единокровной Германіи (1). Протестантское духовенство съ твердостью отстаивало свою самостоятельность противъ католическаго прозелитизма, а дворянство курляндское, — германское по происхожденію, — было не менѣе гордо и исключительно, и болѣе образовано чѣмъ польское. При такихъ условіяхъ побѣда не могла остаться на сторонѣ польской національности, и преобладаніе Польши ограничивалось исключительно правительственной сферой; молодые люди лучшихъ курляндскихъ фамилій, даже герцогскаго дома, ѣздили учиться въ германскіе университеты, не рѣдко поступали на службу къ германскимъ владѣтелямъ и часто женились въ Германіи, а герцогскій домъ имѣлъ постоянныя связи съ Бранденбургскимъ (2).

Такія, не совсѣмъ дружелюбныя отношенія между покровительствующимъ и покровительствуемымъ народами, сдѣлались еще непріязненнѣе, когда на польскій престолъ взомель Августъ, курфирстъ Саксонскій. Имѣя постоянно передъ собою великій идеалъ тогдашнихъ французскихъ королей, онъ всю свою жизнь посвятилъ заботѣ о возвеличеніи своей династіи, которую ему хотѣлось утвердить наследственнымъ образомъ на тронѣ Пястовъ и, дѣйствіемъ сильной политической и духовной централизаціи, слить подъ ея державой всѣ различныя народности польскаго государства. Для осуществленія этой

---

(1) Это относится собственно до дворянства курляндскаго; но въ эти времена значеніе другихъ гражданскихъ сословій было почти во всѣхъ государствахъ такъ ничтожно, что они не имѣли никакого вѣса въ общественныхъ и государственныхъ вопросахъ.

(2) *Kurland unter den Herzögen*, v. Kruse, также *Briefe aus und nach Kurland etc.*, v. Mirbach.

идеи и для пріобрѣтенія содѣйствія ей со стороны Россіи, онъ готовъ былъ даже уступить намъ часть польской территоріи (1); подъ ея вліяніемъ онъ началъ войну съ Карломъ XII, вопреки желанію народа; подъ ея же вліяніемъ, наконецъ, онъ началъ дѣло о курляндскомъ престолонаслѣдіи, которое и составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

Вскорѣ по вступленіи Августа II на польскій престолъ (1697), скончался курляндскій владѣтельный герцогъ Фридрихъ Казимиръ (1698), оставивъ единственную отраслю Кетлерова дома въ прямой нисходящей линіи шести-лѣтняго сына, Фридриха-Вильгельма. Антагонизмъ между Польшей и Курляндіей при этомъ случаѣ обнаружился тѣмъ, что курляндское дворянство, сновываясь на своей конституціи, хотѣло предоставить регентство оберъ-рату; но въ Варшавѣ толковали ту же самую конституцію иначе: рѣчь посполитая назначила герцогомъ, опекуномъ и правителемъ (*dux, tutor et administrator*) брата покойнаго герцога, Фердинанда, человека нелюбимаго въ Курляндіи, исповѣдывавшаго католическую вѣру, проживавшаго внѣ курляндскихъ предѣловъ, въ Данцигѣ, подъ вліяніемъ католическаго духовенства и польскаго правительства.

Здѣсь надобно замѣтить и не терять изъ виду, что польское правительство и польскій король весьма часто являются представителями совершенно различныхъ между собою, и даже противоположныхъ интересовъ. Въ настоящемъ вопросѣ, какъ это ясно раскроется изъ разказа нашего, они сходились въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и діаметрально расходились въ другихъ; какъ польское правительство, такъ и король Августъ неблаго-склонно смотрѣли на самостоятельность Курляндіи; и польскій народъ, и саксонскій принцъ желали бы лишить ее этой самостоятельности, но, разумѣется, каждый въ свою пользу: первый въ пользу своей національности, второй въ пользу своей династіи. Это необходимо постоянно держать въ памяти, какъ Аріаднину нить, посреди многоразличныхъ интересовъ, столкнувшихся въ событіи, къ описанію котораго приближаемся.

---

(1) Это видно между прочимъ изъ любопытнаго документа называемаго: *Мнѣніе россійскихъ министровъ, какимъ образомъ поступать при заключеніи союза съ польскимъ и прусскимъ дворомъ*, еще не изданнаго, какъ и большая часть русскихъ матеріаловъ, которые будутъ приводимы въ этой статьѣ.

Какъ скоро раздались первые выстрѣлы великой сѣверной войны, администраторъ Курляндіи,—такъ называютъ его въ нашихъ современныхъ бумагахъ,—поспѣшилъ присоединить свою маленькую армию къ саксонской, находившейся въ окрестностяхъ Риги, подъ командой фельдмаршала Штейнау. Въ началѣ 1701 года шведскій король, покончивъ съ Русскими подъ Нарвой, обратился противъ Саксонцевъ; однимъ, можно сказать, взмахомъ руки опрокинулъ Штейнау, вступилъ въ Курляндію, безъ сопротивленія занялъ Митаву, и оставивъ въ ней гарнизонъ, поспѣшилъ вслѣдъ за саксонскими войсками. Что же касается до администратора, то, участвовавъ въ сраженіи подъ Нарвой съ подозрительною храбростію, онъ прямо съ поля битвы кинулся въ экипажъ, и проскакалъ чрезъ свою столицу въ Данцигъ, откуда по волѣ судьбы управлялъ государствомъ около сорока лѣтъ: примѣръ едва ли не единственный въ исторіи!

Курляндія, недовольная участіемъ своего герцога въ войнѣ обременительной и бесполезной, охотно подчинилась Шведамъ, но владычество ихъ тамъ было не прочно. Карлъ XII, гонимый за лаврами въ Германіи, казалось, вовсе позабылъ о Россіи и считалъ ее повидимому, совершенно уничтоженною. Онъ сильно ошибался. Какъ ни страшно было въ самомъ дѣлѣ ея пораженіе, она скоро оправилась, и Шереметевъ, не шумными, но постоянными своими успѣхами, не замедлил загладить громкое безславіе Дюка-де-Кроа. Въ 1703 году русскій отрядъ, подъ командой Курляндца Ренне, безъ сопротивленія занялъ Митаву (1), и съ этого времени начинается постепенное склоненіе маленькаго герцогства въ притягательную сферу огромной имперіи, которая безъ шума, но прочно утверждала свое владычество на берегахъ Балтійскаго моря.

Въ самомъ дѣлѣ, города Шлиссельбургъ, Нарва, Ревель и наконецъ Рига, одинъ за другимъ покорялись русскому оружію и сохраняли при этомъ свои старинныя учрежденія, свои права и свободу совѣсти. Рижская торговля быстро оживилась (2), а въ глубинѣ финскаго залива возникла молодая русская столица, направляясь къ которой, начинали мелькать въ виду курляндскихъ береговъ торговые флаги всѣхъ націй. Наконецъ пол-

(1) *Curland etc.*, также *Gesch. d. deutsch. Ostseeprovinz*, v. Richter.

(2) *Considérations sur l'état de la Russie*, въ *Oeuvres posthumes de Fréd. II.*

тавское сраженіе дало Россіи огромное преобладаніе въ дѣлахъ всѣй восточной Европы. Петръ помогаетъ Августу возвратить себѣ польскій престолъ, съ котораго онъ былъ низведенъ Карломъ XII; побѣжденная партія Станислава Лещинскаго, прибѣгаетъ къ его посредничеству, и онъ убѣждаетъ новаго короля забыть и простить. Онъ дѣлается главой и центромъ новаго, обширнѣйшаго союза противъ Швеціи, въ который привлекаетъ, кромѣ Польши и Даніи, Пруссію; король польскій устраиваетъ ему торжественную встрѣчу въ Варшавѣ, король прусскій выѣзжаетъ для свиданія съ нимъ на границу своего государства.

Могла ли, при такомъ состояніи дѣлъ, Курляндія оставаться чуждою вліянію Петра? Естественно ли было и Петру въ свою очередь не пожелать утвердиться въ странѣ, составлявшей естественное, этнографическое дополненіе къ Остзейскимъ провинціямъ, пріобрѣтеніемъ которыхъ онъ такъ дорожилъ?

Проѣзжая чрезъ Митаву на обратномъ пути изъ-за границы (1709), Петръ былъ встрѣченъ тамъ съ большимъ торжествомъ; онъ съ своей стороны былъ ласковъ, привѣтливъ съ тамошнимъ дворянствомъ, и открылся нѣкоторымъ изъ вліятельнѣйшихъ людей, что между имъ и прусскимъ королемъ предложено устроить брачный союзъ молодаго герцога Фридриха-Вильгельма (1) съ одною изъ русскихъ царевенъ, обѣщая дать за нею хорошее приданое.

Предположеніе это было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно для Курляндіи: оно обезпечивало ей покровительство Пруссіи и Россіи,—покровительство тѣмъ болѣе нужное и полезное, чѣмъ чувствительнѣе становилось разобщеніе между герцогствомъ и рѣчью посполитою. По этому, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, два курляндскіе депутата отправились въ Петербургъ и заключили тамъ договоръ о «маріажѣ» молодаго герцога съ царевной Анной Іоанновной. Царь давалъ за нею двѣсти тысячъ рублей, которые предположено было обратить на выкупъ заложенныхъ герцогскихъ имѣній, но съ тѣмъ однакожъ, чтобъ эти имѣнія служили въ свою очередь герцогинѣ залогомъ и обезпеченіемъ сдѣланнаго у нея займа. Въ случаѣ смерти герцога, вдовѣ его была выговорена ежегодная пенсія въ сорокъ тысячъ руб-

---

(1) Онъ былъ родной племянникъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма II.

лей (1). Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ и герцогъ Фридрихъ, прекрасный юноша, только что окончившій свое воспитаніе въ германскихъ университетахъ, и 31 октября 1710 года, было совершено, съ «зѣлобольшимъ увеселеніемъ», бракосочетаніе. Молодые провели въ Петербургѣ два мѣсяца, а въ началѣ слѣдующаго (1711) года выѣхали въ Курляндію; но страшная въ то время болѣзнь, оспа, приключилась герцогу на второй станціи отъ Петербурга, и въ нѣсколько дней свела его въ могилу.

Узнавъ о смерти Фридриха, его лядя, бывшій администраторъ, немедленно объявилъ о вступленіи своемъ въ управленіе герцогствомъ, и не замедлилъ исходатайствовать себѣ утвержденіе въ этомъ званіи отъ польскаго правительства, котораго онъ былъ, какъ сказано, вѣрнѣйшимъ приверженцемъ. Посредствомъ его, Польша надѣялась возстановить свое вліяніе въ Курляндіи, но вліяніе тамъ Россіи уже было трудно истребить. Заемъ, сдѣланный у герцогини, и уплата ей вдовьяго пенсіона, были всегда готовымъ средствомъ дать ему почувствовать. Оберраты, тяготясь выплачивать и эту пенсію и проценты по займу, предложили герцогинѣ самой вступить въ управленіе дворцовыми имѣніями; она согласилась, и для помощи ей въ этомъ дѣлѣ, былъ присланъ тайный совѣтникъ, Бестужевъ-Рюминъ (2), съ званіемъ ея гофмейстера, и съ обязанностию русскаго резидента при ея дворѣ. Такимъ образомъ, когда политическіе виды того требовали, немедленно былъ поднимаемъ вопросъ о заложенныхъ имѣніяхъ. Въ 1712 году, Петръ приказывалъ Бестужеву настойчиво взыскивать вдовье содержаніе герцогини, а въ случаѣ неуплаты поставить въ ея имѣніи *экзекуцію* изъ русскихъ войскъ (3). Въ 1716 году царь писалъ тому же Бестужеву: «Слышно, что шляхта собирается выбирать себѣ новаго князя (герцога); того ради, и ежели сіе будетъ, за-разъ нарочитымъ изъ нихъ (дворянъ) за секретъ объявить, чтобъ они были согласны съ нами, яко бли-

---

(1) Договоръ этотъ подписанъ Меньшиковымъ, Шафировымъ, У. Е. Ренне и Л. Лау. Меньшиковъ подписался: «Его *императорскаго* величества д. т. совѣтникъ» и пр. а въ самомъ текстѣ договора прописано: «объявляемъ мы, его *императорскаго* величества полномочные именемъ нашего всемилостивѣйшаго *императора*» и пр. Это кажется первый актъ, въ которомъ Петръ титулуется императоромъ. См. *Полн. Собр. Зак.* т. IV. № 2272.

(2) Отецъ будущаго канцлера Елизаветы Петровны.

(3) *Дѣлія Петра В.* т. IV, 113 и 147. Т. V, 156, изд. 1788 г.

жайшими сосѣдами, и никого не назначали, но первѣ съ нами снеслись бы, кого хотятъ.»

Этихъ двухъ указаній достаточно, чтобы понять, какіе успѣхи уже сдѣлало русское вліяніе въ Курляндіи съ 1703 года, то-есть со времени перваго появленія нашего тамъ. Администраторъ, своею непопулярностію, вопреки собственному желанію, служилъ русскимъ интересамъ; ибо общая непріязнь къ нему переходила и на правительство, его постановившее. Размолвки дворянства съ нимъ были безпрестанныя. Для разсмотрѣнія и предотвращенія ихъ, въ 1716 году, была прислана изъ Варшавы особая коммиссія, и хотя она въ большей части жалобъ Курляндцевъ дала имъ удовлетвореніе, но самое внимательство во внутреннія дѣла герцогства показались курляндскимъ патріотамъ посягательствомъ на ихъ права (1), и тѣмъ сильнѣе почувствовали они желаніе имѣть герцога, который не подавалъ бы повода къ постороннему внимательству въ домашнія ихъ дѣла.

Желаніе это съ каждымъ днемъ дѣлалось сильнѣе и повсемѣстнѣе въ Курляндіи. Фердинандъ никогда не былъ женатъ, и былъ уже старъ; да и смолоду онъ не подавалъ надежды имѣть когда-нибудь дѣтей; все это, продолжая тягостный *interim*, должно было рано или поздно разрѣшиться возведеніемъ на герцогскій престолъ новой династіи. Такъ разсуждали Курляндцы; но Поляки разсуждали совершенно иначе. Опираясь на букву *pacta subjectionis*, они находили, что договоръ этотъ, будучи заключенъ съ родоначальникомъ Кетлерова дома, терялъ свою силу съ прекращеніемъ этого дома; что въ этомъ договорѣ упоминается только о престолонаслѣдіи въ нисходящей отъ Готгарда Кетлера линіи, и не говорится ни слова о случаѣ, когда эта линія прекратится; почему, толковали польскіе юристы, этотъ случай и долженъ разрѣшиться на общихъ основаніяхъ феодальнаго права, то-есть ленное владѣніе должно, какъ выморочное, отойти въ непосредственное владѣніе покровительствующей державы.

Такая логика была въ принципѣ своемъ не безъ основанія; но Курляндцы тоже находили опору въ казуистикѣ, и объясняли трактатъ по своему. Тамъ сказано, говорили они, что престолъ герцогскій наслѣственъ въ мужскомъ поколѣніи Гот-

---

(1) *Curland etc.* также *Moritz in Russland*, въ *Рижскомъ календарѣ* на 1859 годъ.

гарда Кетлера; это значитъ только то, что корона не можетъ переходить въ женскія руки, и больше ничего: про запрещеніе же призывать новую династію, въ случаѣ прекращенія старой, нѣтъ ни слова. Притомъ, въ 1639 году, когда, по смерти герцога Фридриха, его братъ Вильгельмъ былъ признанъ неспособнымъ наследовать престолъ, что сдѣлалъ тогда, продолжали курляндскіе юристы, Владиславъ, король Польскій? Онъ предложилъ въ герцоги своего брата: значитъ, онъ допускалъ законность возведенія на курляндскій престолъ новой династии. Да и въ настоящее время, почему же по смерти послѣдняго прямого потомка перваго Кетлера, Польша тотчасъ же не предъявляла своихъ правъ на присоединеніе Курляндіи? Почему она допустила быть въ ней герцогомъ лицу изъ боковой линіи? Не доказываетъ ли тотъ и другой случай, что мысль о присоединеніи Курляндіи находится не въ духѣ заключеннаго договора, а въ недавно пробудившемся честолюбіи рѣчи посполитой?.. (1)

Но въ то время, какъ курляндскіе оберъ-раты и варшавскіе сенаторы занимались этою политикой, король Августъ велъ втихомолку съ русскимъ царемъ переговоры о совершенно иномъ предметѣ, а именно о бракосочетаніи вдовствующей герцогини Анны съ членомъ одной изъ боковыхъ Саксонскихъ линій, герцогомъ Саксенъ-Вейсенфельскимъ, который вступилъ бы на курляндскій престолъ со всѣми правами прежнихъ герцоговъ. Какія выгоды предвидѣлъ Петръ отъ этого союза, не легко понять; утвержденіе въ Курляндіи саксонской династии должно было, казалось бы, дать новую вѣроятность къ утвержденію ея и въ Польшѣ наследственнымъ образомъ, что было совершенно противно постояннымъ видамъ нашей политики. Или, можетъ-быть, дальновидный государь хотѣлъ воспользоваться этимъ, слишкомъ очевидно династическимъ стремленіемъ Августа, чтобы возбудить недовѣрчивость къ нему польской націи, и тѣмъ самымъ устранить его наследника отъ польскаго престола? Въ такомъ случаѣ русскому вліянію не трудно было бы пересилить въ Курляндіи саксонское. Но каковы бы ни были побужденія Петра, онъ горячо принялся за дѣло; Курляндцы тоже охотно приняли

---

(1) Все это заключается въ документѣ, сообщенномъ нашему двору Бестужевымъ, и который называется: «Разсужденіе о правѣ Курляндцевъ избирать себѣ герцога.»

эту мысль и послали отъ себя депутата ходатайствовать о томъ въ Варшавѣ (1). Но Полякамъ не понравилась эта комбинація, клонившаяся къ усиленію саксонской династіи, и дѣло остановилось. Въ послѣдствіи было много другихъ предположеній между сосѣдственными дворами, касательно устройства судьбы Курляндіи, произошло сближеніе по этому поводу у Россіи съ Пруссіей, и какъ эти предположенія исходили большею частію изъ нашего кабинета, то рука герцогини была во всѣхъ этихъ случаяхъ неразлучна съ герцогскою короной; но всякій разъ встрѣчались обстоятельства, которыя разстраивали расчеты правительствъ, пекшихся о судьбѣ Курляндіи, и герцогиня по прежнему продолжала вдовствовать, герцогъ Фердинандъ править страной изъ-за границы, Курляндцы мечтать о независимости, Поляки желать ихъ присоединенія, наконецъ Августъ дуться на нихъ за то, что они скоро утѣшились въ неудачѣ саксенъ-вейсельфельсской кандидатуры.

Между тѣмъ скончался Петръ I. Многое перемѣнилось съ его смертію для Россіи. Усиленное, можетъ-быть чрезмѣрное напряженіе государственной дѣятельности, уступило мѣсто повсюдной апатіи и распущенности; административная машина, казалось, готова была остановиться; что касается до положенія нашего въ средѣ европейскихъ государствъ, то и въ этомъ отношеніи разница сдѣлалась не менѣ чувствительна. Россія была несравненно болѣе обширна, чѣмъ дѣйствительно сильна; половина ея силы состояла въ гениі ея государя, и когда этой силы не стало, то и политическое ея положеніе не могло не перемѣниться. Курляндскій вопросъ былъ одинъ изъ первыхъ, по которымъ это обнаружилось.

Давно уже доносили наши посланники въ Варшавѣ и Митавѣ, что въ польскомъ правительствѣ зрѣетъ мысль о присоединеніи Курляндіи; а съ другой стороны, что между курляндскимъ дворянствомъ все глубже пускаетъ корни желаніе гражданской, если не политической самостоятельности своего отечества; столкновеніе могло послѣдовать со дня на день; въ виду такихъ обстоятельствъ, надо было Россіи положительнымъ образомъ опредѣлить ходъ своей политики. Для обсу-

---

(1) Въ *Дьян. Петра В.* (т. V, 387) приведено письмо Петра къ Бестужеву по этому поводу. Въ *Curland* говорится, что курляндскій депутатъ былъ посланъ въ Варшаву, на иждивеніи русскаго правительства.

денія этого собрались наши министры 30 марта (1725), и графъ Остерманъ прочелъ имъ пространную записку (1), въ которой подробно и обстоятельно излагались состояніе вопроса, смыслъ трактатовъ и обязательствъ, которыя опредѣляли отношенія наши къ Польшѣ и Пруссіи, по скольку они относились къ настоящему дѣлу (2), виды польскаго и прусскаго правительства относительно Курляндіи, и наконецъ сопоставлялись выгоды и невыгоды сближенія съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ государствъ. Допустить усиленіе Польши черезъ присоединеніе Курляндіи очевидно было нельзя съ нашей точки зрѣнія; содѣйствовать утвержденію саксонской династіи на герцогскомъ престолѣ также представлялось несогласнымъ съ нашими выгодами, хотя, съ другой стороны, при этомъ открывались виды на союзъ и дружбу Августа; что касается до Пруссіи, то сближеніе съ нею въ этомъ дѣлѣ не представляло никакихъ особенныхъ выгодъ, но не представляло и опасности, а потому—печальное доказательство несамостоятельности нашей политики!—было рѣшено сблизиться съ нею, склониться къ заключенію брачнаго союза Анны Іоанновны съ кѣмъ-либо изъ принцевъ Бранденбургскаго дома, но дѣлать все это осторожно, чтобы не возбудить неудовольствія, ни со стороны Августа, ни со стороны рѣчи посполитой... По счастью, сила самихъ обстоятельствъ вывела напоследокъ, какъ увидимъ, политику нашу изъ этого лабиринта полумѣръ и колебаній.

А между тѣмъ есть много поводовъ думать, что положеніе наше въ Курляндіи было въ это время еще довольно выгодно. Обаяніе Петрова могущества не могло еще исчезнуть, и едва ли симпатіи націи были не нашей сторонѣ скорѣе чѣмъ на польской; мы могли указать на Лифляндію и Эстляндію, продолжавшія спокойно пользоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ дорожить національное чувство, тогда какъ польское правительство вездѣ тѣснило народность и свободу совѣсти и завистливо смотрѣло на старинныя права и вольности Курляндіи. При томъ сама герцогиня, думаемъ мы, способствовала установленію добраго о насъ мнѣнія въ Курляндіи. Съ понятіемъ о ней у насъ неразлучно соединено представленіе о Биронѣ, о доимочной кан-

---

(1) *Мнѣнія Росс. министровъ* и пр.

(2) Отсюда открывается между прочимъ, что между русскимъ и польскимъ правительствами продолжалась еще переписка по претензіямъ фамиліи Мнишекъ со времени перваго самозванца.

целіи, о страшныхъ пыткахъ и о безмѣрномъ преобладаніи государственнаго начала, не оправдываемомъ высокою правительственною мудростію. Во время бытности своей въ Курляндіи она представляется въ совершенно иномъ видѣ. Она не имѣла тамъ никакого правительственнаго значенія и не обнаруживала нисколько поспѣшностей къ вмѣшательству въ государственныя дѣла; Биронъ не былъ еще близокъ къ ней въ то время; она жила тихо и скромно въ своемъ митавскомъ замкѣ или въ Анненгофскомъ дворцѣ, и терпѣливо сучала посреди своего маленькаго придворнаго штата. Такимъ образомъ, не возбуждая, конечно, горячихъ симпатій, она была вообще любима въ Курляндіи, какъ это свидѣлствуютъ нѣкоторые иностранные писатели (1), и какъ мы видимъ тому еще другія подтвержденія. Такою безъ сомнѣнія знали ее и Русскіе, имѣвшіе случай бывать въ Митавѣ, и эти-то именно, скорѣе отрицательныя чѣмъ положительныя ея качества, замѣтимъ мимоходомъ, весьма вѣроятно рѣшили избраніе ея на русскій престолъ со стороны нашихъ олигарховъ.

Въ это время проживалъ въ Варшавѣ курляндскій депутатъ, фонъ-Бракель, проживалъ два года, терпѣливо переносилъ холодность польскихъ вельможъ и не меньшую холодность короля, который отказывалъ дать ему аудіенцію, недоволенъ будучи тѣмъ, что Курляндцы такъ скоро забыли кандидатуру герцога Саксенъ-Вейсенфельскаго и являлись готовыми на новыя комбинаціи. Бракель терпѣливо сносилъ надменные замашки польскихъ вельможъ, скромно и незамѣтно держалъ себя на ихъ официальныхъ собраніяхъ, не думалъ формализироваться, когда его не приглашали на нихъ, все терпѣлъ, но не упускалъ изъ виду вѣрнѣйшихъ ему интересовъ. Они были не въ блестящемъ положеніи; присоединить Курляндію и раздѣлить ее на воеводства, было не только задачей польской политики, но какою-то общественною идеей, одною изъ тѣхъ идей, которыя иногда охватываютъ всѣ сословія страны, соединяютъ партіи и примираютъ ихъ въ единодушномъ стремленіи. При такихъ обстоятельствахъ мудрено было Бракелю сдѣлать что-нибудь для своего отечества, особенно, когда со смертію Петра I и со стороны Россіи нельзя было уже ожидать прежняго энергическаго содѣйствія. Подъ вліяніемъ необыкновеннаго пристрастія императрицы къ зятю своему, гер-

---

(1) *Historisches Taschenbuch*, 1836, 171 Jahrgang, Paymepa.

погу Голштинскому, подѣ влияніемъ изворотливаго ума его министра Бассевича, политика русская вполнѣ подчинилась голштинскимъ видамъ, голштинскимъ интересамъ. Это заставило и Бракеля искать новой точки опоры, уже внѣ Россіи; онъ сталъ придумывать такую комбинацію, которая вновь привлекла бы къ Курляндіи участіе короля Августа, и нашелъ ее въ особѣ его побочнаго сына, графа Морица Саксонскаго.

Въ наше время графъ Морицъ забытъ; исторія указала ему довольно скромное мѣсто между этими придворными маршалами старинной королевской Франціи, которые играли такую жалкую роль въ войнахъ Фридриха II. Графъ Морицъ не оставилъ по себѣ громкой славы; но мало было людей, которые пользовались бы при жизни такою обширною извѣстностію какъ онъ. Онъ не имѣлъ тѣхъ свойствъ, которыя даютъ человѣку безсмертіе, но вполнѣ обладалъ тѣми качествами, которыя ослѣпляютъ современниковъ. Романъ—пантеонъ такихъ людей; исторія равнодушно проходитъ мимо ихъ; потомство забываетъ ихъ. Однакожъ, такъ какъ въ эпизодѣ, къ которому мы приближаемся, Морицъ играетъ важнѣйшую роль, то да позволено будетъ сдѣлать въ его пользу маленькое отступленіе.

Въ глубинѣ Германіи, въ то время еще довольно грубой нравами (1), были два двора, отражавшіе изящную роскошь двора Версальскаго: берлинскій при первомъ королѣ, и дрезденскій при Августѣ. Курфирстъ былъ, въ молодости своей, прекрасный мущина и страстный обожатель женской красоты, которой онъ поклонялся съ рыцарствомъ, достойнымъ Людовика XIV. Зато и дворъ его блисталъ прекрасными женщинами. Между ними прекраснѣе всѣхъ въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка была графиня Аврора Кенигсмаркъ. Курфирстъ влюбился въ нее и забылъ всѣхъ прочихъ дамъ и дѣвицъ своего двора; ей было публичное его поклоненіе; ея цвѣта носилъ онъ въ девизахъ и въ кокардахъ; для нея давались великолѣпные праздники, блестящіе маскарады; ея вензеля горѣли въ иллюминаціяхъ; весь Олимпъ спускался на землю, чтобы разыгрывать замысловатыя аллегоріи по поводу ея имени. Много еиміама было истрачено для прекрасной Авроры — и безуспѣшно. Наконецъ данъ былъ курфирстомъ праздникъ, тщательно описанный современниками, праздникъ, рѣшив-

---

(1) *Gesch. d. deutsch. Hoefe*, v. Vaehse.

шій ея судьбу (1). Охота за оленями, плаванье въ раззолоченныхъ гондолахъ, танцы, маскарадъ, наполнили цѣлыя сутки; мифологическіе боги и богини бросали цвѣты на пути всеоживляющей богини утра; амурь говорили ей привѣтствія, фавны пѣли куплеты. Когда же всеобщее утомленіе принудило окончить увеселенія, Августъ, въ одеждѣ султана, въ сопровожденіи визирей и пашей, со свѣчей въ рукѣ, провожалъ царицу праздника до назначеннаго ей покоя, и остановясь у порога, смиренно произнесъ: «до сихъ поръ я былъ властитель правовѣрныхъ, здѣсь вы моя повелительница, а я ванъ рабъ.» Противъ такого почтительнаго обожанія не устояла прекрасная Аврора; она пригласила султана Августа остаться въ ея гаремѣ, и любовь его, какъ говорилось тогда, была *увѣнчана*. Все это происходило въ замкѣ Морицбургѣ, а потому, въ память мѣстъ, видѣвшихъ любовь ихъ, плодъ этой любви былъ названъ Морицомъ.

Морицъ учился плохо и никогда не могъ писать правильно, даже на французскомъ языкѣ, который въ послѣдствіи сдѣлался какъ бы его природнымъ; за то мы видимъ его, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, подъ стѣнами Лилля, волонтеромъ въ арміи Мальборо и принца Евгенія; тутъ же онъ началъ первую главу своего романа, съ какою-то молоденькою кружевницею.

Призваніе его обнаружилось; война и любовь сдѣлались на всю жизнь его лозунгомъ; но никогда надъ изученіемъ первой не ломалъ онъ слинкомъ головы, а вторая никогда не была для него источникомъ мученій: то и другое дѣлалъ онъ шутя; за то не было хорошенькой женщины, въ которую онъ не влюбился бы мимоходомъ, какъ не раздавалось въ Европѣ выстрѣла, на который не счелъ бы онъ своею обязанностию прилетѣть, не думая впрочемъ справляться противъ кого и за кого раздался выстрѣлъ. Такъ мы встрѣчаемъ его обнажающимъ впервые свою дѣтскую шпагу противъ Франціи, потомъ сражающимся противъ Шведовъ подъ Ригю (2) и Штраль-

---

(1) *Hist. de Maurice, Comte de Saxe*, Mittaw, MDCCLII. Біографія эта написана Неелемъ (Neel); она имѣла пять изданій: въ Дрезденѣ 1752, въ Лондонѣ 1753, въ Дрезденѣ 1760 и 1763.

(2) Это положительно свидѣлствуютъ біографы графа Морица, прибавляя, что онъ находился въ русскихъ рядахъ; а именно: авторъ *Hist. de Maurice Comte de Saxe* и баронъ Эспаньякъ, въ книгѣ, носящей такое же заглавіе (Paris, MDCCLXXII).

Зундомъ, потомъ противъ Турокъ подъ Бѣлградомъ. Такіе дилеттанты войны, такіе безкорыстные кондоттьери водились до исхода прошедшаго вѣка, и главныя квартиры нашихъ войскъ въ царствованіе императрицъ Елисаветы и Екатерины II бывали всегда ими наполнены.

Образецъ военныхъ людей тогдашней Франціи, идолъ женщинъ во всѣхъ столицахъ Европы, Морицъ, былъ тоже любимцемъ своего отца, которому онъ во многихъ отношеніяхъ напоминалъ его молодые годы, и котораго онъ пріѣзжалъ иногда навѣстить въ его саксонскомъ Парижѣ, или въ полуварварской, но веселой Варшавѣ.

Во время одного изъ такихъ посѣщеній, именно въ началѣ 1729 года, увидѣлъ его Бракель и сказалъ себѣ: «вотъ человекъ, который намъ нуженъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, въ Морицѣ соединялись многія условія, которыя трудно было встрѣтить въ комъ-нибудь другомъ. Во-первыхъ, онъ обладалъ всѣми личными качествами, чтобы пріобрѣсть любовь дворянства: это былъ образецъ дворянина по тогдашнимъ понятіямъ. Король польскій дѣлался опять союзникомъ курляндскихъ интересовъ; со стороны русскаго двора нельзя было предвидѣть серьезныхъ возраженій, да и устранить ихъ казалось нетруднымъ при доброй волѣ вдовствующей герцогини, а расположеніе ея въ пользу человека, обожаемаго всѣми красавицами Европы, казалось несомнѣннымъ.

Бракель конфиденціально сообщилъ свою мысль и свои соображенія курляндскимъ оберъ-ратамъ и получилъ совершенное ихъ одобреніе съ полномочіемъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Тогда онъ постарался вывѣдать мнѣнія какъ короля, такъ и графа, и получилъ отвѣтъ удовлетворительный (1); но старый Августъ, имѣвшій время ознакомиться съ расположеніемъ умовъ въ Варшавѣ, совѣтовалъ вести это дѣло тайно отъ польскихъ патріотовъ, и рѣшился самъ играть двойную роль, которую дѣйствительно и разыгрывалъ во все продолженіе этой политической драмы: зрѣлище печальное, но, какъ мы замѣтили, не рѣдкое, особенно въ Польшѣ, гдѣ государи, лишеныя власти, но не желавія ея пользоваться, преслѣдовали свои личные или династическіе интересы, очень часто въ противность интересамъ государственнымъ, съ помощію мелкихъ интригъ и двуличности.

---

(1) *Curland* etc. t. I.

Посланникомъ нашимъ въ Варшавѣ былъ извѣстный князь Василій Лукичъ Долгоруковъ. Питомецъ Петровой школы, онъ принадлежитъ къ группѣ тѣхъ людей, которые, по смерти этого государя, болѣе или менѣе долгое время управляли кормиломъ государственнаго корабля въ его печальномъ, бурномъ, безцѣльномъ плаваніи. Похвала ли это Долгорукову или порицаше? не знаемъ; но думаемъ, что еслибы не было его, ни ему подобныхъ, то явились бы люди не болѣе ихъ нравственные и менѣе ихъ способные, а Долгоруковъ былъ одинъ изъ способнѣйшихъ между тогдашними дѣятелями. Въ его перепискѣ съ верховнымъ совѣтомъ и, еще болѣе, въ частныхъ письмахъ его къ Остерману, мы находимъ доказательства, что ему было въ совершенствѣ знакомо политическое состояніе современной Европы и положеніе дворянъ, изъ коихъ при большей части онъ въ разное время проживалъ и съ которыми сохранялъ связи. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ развѣ одного только соперника, Остермана. Знатный, богатый, щедрый, онъ былъ въ то же время однимъ изъ самыхъ образованныхъ у насъ людей и не оставался въ тѣни ни при одномъ европейскомъ дворѣ. Въ Польшѣ, гдѣ высшее дворянство не уступало ни какому другому въ изысканности манеръ и исключительности, онъ имѣлъ обширные связи, и между его бумагами сохранились письма къ нему многихъ знатныхъ Поляковъ и Полекъ. Графъ Бассевичъ, хорошій цѣнитель внѣшнихъ достоинствъ, замѣтилъ, что онъ былъ *le plus poli et le plus aimable des Russes de son temps* (1).

Къ сожалѣнію, мы должны сказать гораздо менѣе хорошаго о характерѣ Василя Лукича. Самые ревностные хвалители его признаются, что онъ не отличался безкорыстіемъ (2); чтобъ погубить врага, соперника, или даже того, кого онъ просто опасался, клеветать самымъ безстыднымъ образомъ ничего ему не значило; такъ, при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, онъ старался заподозрить Шафирова въ государственномъ преступленіи, игралъ его головою безъ всякой иной причины, кромѣ опасенія его долгой опытности въ дѣлахъ (3). Наконецъ, вельможа по происхожденію и по понятіямъ своимъ, власто-

(1) *Eclaircissemens*, въ Т IX. Бюшинговъ *Magazin*.

(2) Указаніе о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

(3) Вступл. на престолъ императрицы Анны. Русск. Вѣстн. 1859, №1.

любивый по природѣ, онъ, какъ мы скоро увидимъ, не погнушался служить личнымъ интересамъ могущественнаго фаворита, Меньшикова, служить въ дѣлѣ, котораго не одобрялъ, которое было преступно. Такіе люди, какъ Долгоруковъ, много сдѣлали вреда Россіи тѣмъ, что, имѣвъ болѣе другихъ возможность противостоять временщикамъ и произволу, они первые подчинились имъ ради минутныхъ выгодъ. Удивительно ли, что въ это печальное время замѣчается всеобщее измельчаніе характеровъ, когда и тѣ люди, которые по своему положенію могли бы обнаружить нѣкоторую самостоятельность, не показали ея ни мало?

Живя въ Варшавѣ и имѣя обширныя сношенія, Долгоруковъ, при своей проницательности, недолго оставался въ невѣдѣніи интриги, завязывавшейся между Бракемъ, королемъ Августомъ и Морицемъ. При томъ, для успѣха ихъ предположенія, необходимо было согласіе русскаго правительства. Поэтому Морицъ самъ заговорилъ о томъ съ нашимъ посланникомъ (1), который вошелъ въ его виды, на столько конечно, на сколько это было ему возможно, при неимѣніи на этотъ предметъ инструкцій. Морицъ былъ увѣренъ, по крайней мѣрѣ въ его личномъ расположеніи, и Долгоруковъ, точно, нѣсколько разъ рекомендовалъ его въ своихъ депешахъ (2).

Саксонская камарилья, окружавшая короля къ великому неудовольствію Поляковъ, между тѣмъ горячо работала и сильно суетилась; задача была въ самомъ дѣлѣ трудная: сохранять тайну и въ то же время пріобрѣтать единомышленниковъ. Последняя половина задачи была впрочемъ несравненно легче первой: интересы Поляковъ были до такой степени разъединены, раздроблены отсутствіемъ государственнаго центра, взаимными ссорами магнатовъ, что сгруппировать болѣе или менѣе сильную партію, можно было тамъ около любого предпріятія.

Къ мысли Бракея и Морица пристали нѣкоторые изъ первыхъ сановниковъ республики, а именно: коронный маршалъ

(1) Донесеніе Долгорукова 22 апрѣля 1726.

(2) О добрыхъ отношеніяхъ Долгорукова и гр. Морица можно видѣть изъ многихъ депешъ перваго къ нашему двору, и изъ письма послѣдняго къ Карппу, въ Митаву (См. депеш. Бестужева 13 апр.): «я о его (Долгорукова) дружбѣ, и что онъ къ моей сторонѣ склоненъ будетъ, гораздо увѣренъ».

Мнишекъ (1) и Поцей, гетманъ литовскій. Это было не мало-важнымъ приобрѣтеніемъ: будучи сосѣдомъ Курляндцевъ, литовскій гетманъ могъ удобнѣ всякаго другаго войти съ ними въ тайныя сношенія и оказать вліяніе на ихъ образъ мыслей. Черезъ него, дѣйствительно, и поведены впервые переговоры: изъ Гродно отправился безъ огласки доверенный его человекъ, не такъ замѣтный, чтобы могъ возбудить подозрѣніе въ Варшавѣ, крѣгсъ-комисаръ Карппъ (Karpp) (2). Онъ пріѣхалъ въ Митаву, вошелъ въ сношенія съ нѣкоторыми изъ вліятельнѣйшихъ Курляндцевъ, показалъ вѣрительную грамоту Поцея, и безъ дальнихъ околичностей объявилъ имъ, что король, извѣстясь о желаніи курляндскаго дворянства избрать, въ наслѣдники престарѣлому герцогу Фердинанду, Морица, графа саксонскаго, совершенно одобряетъ ихъ намѣреніе, общаетъ свое полное содѣйствіе, но совѣтуетъ хранить это предположеніе пока въ тайнѣ.

За тѣмъ Карппъ обратился къ Бестужеву. Онъ объяснилъ ему, что въ мысляхъ короля возведеніе Морица на герцогскій престолъ нераздѣльно съ брачнымъ его союзомъ съ вдовствующею герцогиней. Въ непродолжительномъ времени, прибавилъ онъ, въ Митавѣ соберется ландтагъ, на которомъ будетъ разсматриваться предложеніе о назначеніи Морица наслѣднымъ герцогомъ; желательно было бы, заключалъ Карппъ, знать къ тому времени мнѣніе русскаго двора, какъ по вопросу о престолонаслѣдіи, такъ и о предполагаемомъ «маріажѣ».

Донося объ этомъ (3), Бестужевъ прибавляетъ, что Курляндцы очень желаютъ союза герцогини съ Морицемъ, «ибо ею весьма довольны.»

Принцъ съ своей стороны, по видимому, считалъ успѣхъ у герцогини основаніемъ всему дѣлу; поэтому онъ между прочимъ пишетъ (отъ 8 апрѣля изъ Варшавы) къ Карппу: «дѣлайте ей часто свой *куръ*, но впрочемъ ни въ чемъ себя не открывайте; но подъ рукою ищите у ней вывѣдать, не имѣетъ ли она отдаленія отъ намѣренія супружества; съ господиномъ оберъ-гофмаршаломъ Бестужевымъ учинитесь другомъ и ищите черезъ него оное дѣло трактовать (4).»

(1) Донесеніе Долгорукова отъ 22 марта.

(2) Донесеніе Бестужева 22 марта.

(3) Отъ 21 апрѣля (прилож. Д. къ депешѣ).

(4) Донесеніе Бестужева отъ 13 апрѣля.

Въ такомъ же смыслѣ писалъ Карппу и гетманъ, присовокупляя о необходимости спѣшить дѣломъ «чтобъ противнымъ факціямъ предупредить.» Въ другомъ письмѣ онъ съ неудовольствіемъ замѣчаетъ Карппу, что дѣло о супружествѣ не подвигается: «Вы всегда мнѣ объявляете о благонамѣренной шляхтѣ въ Курляндіи... но удивляюсь, что мнѣ о пунктѣ супружества еще ничего не объявляете...»

Въ какой мѣрѣ брачный союзъ съ герцогиней казался важнымъ для успѣха дѣла, можно заключить изъ того, что король обязывался давать ей ежегодно по сорока тысячъ рублей отъ себя (1). Донося отъ этомъ, Бестужевъ прибавляетъ: «я другаго способа къ пользѣ курляндскихъ интересовъ ея императорскаго величества и ея высочества государыни цесаревны не вижу какъ сей, понеже Курляндцы *къ извѣстной персонѣ* (то-есть графу Морицу) весьма склонны.»

Такъ писалъ Бестужевъ и повторялъ, что Курляндцы единодушно желаютъ Морица и супружества его съ Анной Іоанновной. И въ самомъ дѣлѣ, разрѣшеніе этимъ путемъ вопроса, такъ долго остававшагося безъ разрѣшенія, казалось самымъ естественнымъ, и, съ русской точки зрѣнія, едва ли не самымъ выгоднымъ, подъ однимъ только, но весьма важнымъ условіемъ, чтобы наше вліяніе въ Курляндіи, будучи сопоставлено съ саксонскимъ, было въ состояніи по крайней мѣрѣ его уравнивать: а именно этого-то наше правительство и не ожидало, какъ можно уже было видѣть изъ рѣшенія, принятаго за годъ передъ тѣмъ по поводу курляндскихъ дѣлъ. Но замѣчательно здѣсь то, что имѣя уже программу для своей политики въ этомъ дѣлѣ, оно въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ не давало никакихъ положительныхъ приказаній ни Долгорукову, ни Бестужеву. Наконецъ получена была депеша изъ Петербурга (2), въ которой очень подробно доказывалось, что Курляндцы не понимаютъ своихъ истинныхъ выгодъ, склоняясь на сторону Морица, и что намъ нельзя допустить такого усиленія саксонскаго дома; что, содѣйствуя этому, мы раздражили бы и Рѣчь Посполитую и прусскаго короля, а въ заключеніе предписывалось Бестужеву предложить принца Голштинскаго, двоюроднаго брата императрицына зятя, кандидатомъ на герцогскій престолъ.

---

(1) Донесеніе Бестужева отъ 7 мая.

(2) Отъ 31 марта.

Мы не отвергаемъ основательности нѣкоторыхъ изъ этихъ соображеній, но имѣли бы право удивляться, что наша дипломатія пытается разсужденіями поколебать симпатію цѣлаго народа и противопоставляетъ Морицу, не извѣстнаго никому нѣмецкаго принца, котораго имя произносится въ первый разъ за десять дней до выборовъ, мы имѣли бы, говорю, право всему этому удивляться, ежели бы между офиціальными бумагами не сохранилось нѣсколько документовъ, тѣмъ болѣе драгоценныхъ, чѣмъ менѣе предназначались они для гласности.

На одной почтѣ, можетъ-быть въ одномъ конвертѣ съ депешей, предписывавшею предложить Курляндцамъ принца Голштинскаго, Бестужевъ получилъ письмо слѣдующаго содержанія, написанное самимъ великимъ канцлеромъ, который принимался за перо лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ: «Хотя къ вамъ сегодня и отправленъ рескриптъ изъ коллегіи, по которому велѣно чинамъ курляндскимъ представлять въ герцоги курляндскіе принца изъ дому голштинскаго, однакожь имѣете вы прежде предлагать о его свѣтлости, князѣ Меньшиковѣ, ибо онъ здѣсь доносилъ, что прежде сего чины курляндскіе на избраніе онаго не только склонны были, но и сами желали, дабы онъ былъ герцогомъ у нихъ. Но понеже можетъ быть зачѣмъ, а паче за вѣрой, учинить того не похотятъ, того ради уже послѣ имѣете представить вышеупомянутаго принца по силѣ отправленнаго рескрипта.»

Что долженъ былъ подумать Бестужевъ, читая, перечитывая и сличая депешу канцлера и письмо канцлера? Не такъ много удивленія какъ можно бы думать, потому что еще нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, въ бытность его въ Петербургѣ, Меньшиковъ имѣлъ съ нимъ любопытный разговоръ по этому предмету. «Еще въ 1711 году, на пути въ Померанію, говорилъ ему Меньшиковъ, нѣкоторые изъ курляндскихъ дворянъ изъявляли мнѣ желаніе видѣть меня своимъ герцогомъ; это извѣстно графу Флемингу и другимъ сановникамъ варшавскаго двора, и всѣ они были тогда расположены къ моему возвышенію.» (1) Неизвѣстно, что отвѣчалъ Бестужевъ на такую декларацію; но кажется, что онъ не обратилъ на нее особеннаго вниманія, считая ее минутною вспышкой честолюбія гордаго фаворита. Но Меньшиковъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые импрови-

---

(1) См. приложение I.

зируютъ планы и при первомъ затрудненіи оставляютъ ихъ: напротивъ, онъ серьезнымъ образомъ обдумывалъ ихъ, и рѣшившись, не отступалъ ни передъ какими препятствіями. Узнавъ, что графъ Морицъ выступаетъ на состязаніе съ его замысломъ, и выступаетъ подъ патронатомъ польскаго короля, онъ кликнулъ своего безотлучнаго секретаря, Франца Виста, и продиктовалъ ему два письма: къ Бестужеву и къ Долгорукову (1), объясняя имъ давнишнее желаніе Курляндцевъ имѣть его герцогомъ своимъ и прося содѣйствовать его избранію. «Вашего сіятельства, истиннаго моего друга, пишетъ онъ Долгорукову, прошу, извольте въ семь случаевъ мнѣ помогать и мою персону у тамошнихъ министровъ рекомендовать.» А чтобъ они были сговорчивѣе, и усерднѣе помогали, поручаетъ ему общать Флемингу, фавориту короля, Шембеку, коронному канцлеру, отъ его имени «нѣкоторую сумму денегъ». Бестужева онъ обнадеживаетъ, что все для него въ настоящемъ дѣлѣ сдѣлано будетъ; онъ, Меньшиковъ, «во всѣхъ случаяхъ заслужить не оставитъ.»

Но дѣйствуя такимъ образомъ на нашихъ дипломатическихъ агентовъ, мудрено было оставить внѣ вопроса тѣ лица, которыя управляли всею дипломатическою частію, Остермана въ особенности, безъ участія котораго едва ли было можно дать хоть малѣйшее уклоненіе нашей политикѣ. Съ Остерманомъ надо было дѣйствовать осторожно. Это былъ можетъ быть единственный человѣкъ, которымъ Меньшикову никогда не удавалось вертѣть по своему произволу. Онъ рѣшился написать къ нему. Въ письмѣ, котораго черновая сохранилась между старинными бумагами, онъ проситъ его, въ выраженіяхъ очень мягкихъ и заискивающихъ, оказать свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, которому, пишетъ онъ, многіе сильные друзья его въ Польшѣ и Курляндіи горячо сочувствуютъ (2). Но Остерманъ былъ слишкомъ уменъ, и не дался въ обманъ этимъ мнимымъ сочувствіямъ; онъ былъ слишкомъ остороженъ, и не могъ впутаться въ дѣло черезчуръ щекотливое и малонадежное; нигдѣ, сколько извѣстно, не сохранилось ни строчки, имъ писанной по этому поводу, ни малѣйшаго намека на его участіе въ проискахъ Меньшикова, также какъ и указаній на дѣйствія его въ смыслѣ противоположномъ, точно будто онъ

---

(1) См. приложенія I, II.

(2) Приложеніе III.

вовсе не получилъ этого письма! Весьма вѣроятно, что онъ передалъ его графу Головкину, какъ главному начальнику *de jure* всего дипломатическаго управленія, и поставилъ этого трусливаго, раболѣпнаго старика между двумя опасностями: или запутаться въ интригѣ, или возбудить негодованіе *Свѣтлѣйшаго*. Повидимому, не было опасности ужаснѣе послѣдней, и Головкинъ рѣшился написать Бестужеву письмо, которое мы уже знаемъ.

Потомъ Меньшиковъ позвалъ двухъ изъ своихъ надежнѣйшихъ агентовъ, генерала Урбановича и генераль-аудиторъ-лейтенанта Центеровича, далъ имъ денегъ, далъ письма и велѣлъ одному скакать въ Литву и Польшу, другому летѣть въ Курляндію, и все привести въ движеніе, перевернуть небо и землю, если надобно, но утвердить за нимъ наслѣдство курляндскаго престола (1).

Между тѣмъ какъ такія дѣла дѣлались въ Петербургѣ, въ Варшавѣ разыгрывалась политическая комедія еще болѣе плачевная: тамъ уже не подданный, а самъ король игралъ въ двойную игру государственными интересами. Молва о его переговорахъ съ Курляндцами не замедлила распространиться и произвела сильнѣйшее негодованіе между польскими патріотами. Нѣкоторые изъ сенаторовъ попросили объясненій у Августа по этому случаю; онъ прикинулся удивленнымъ, увѣрялъ, что ничего не знаетъ и отослалъ ихъ къ Морицу (2). Между тѣмъ саксонская камарилья перепугалась, засуетилась и положила дать такой оборотъ дѣлу, что будто все клонилось только къ тому, чтобъ вывѣдать истинный образъ мыслей Курляндцевъ. Такая грубая увертка не могла конечно удовлетворить Поляковъ; они опять обратились къ королю и настояли, чтобъ онъ немедленно отправилъ въ Митаву грамоту, за собственноручнымъ подписомъ, съ строгимъ запрещеніемъ Курляндцамъ думать о какомъ бы то ни было избрашіи, и приказаніемъ ожидать рѣшенія сейма.

Поставленный такимъ образомъ между необходимостью: или признаться въ дѣлѣ, похожемъ на государственную измѣну,

(1) Центеровича мы скоро увидимъ въ Курляндіи; что же касается его собрата по ремеслу, то о поѣздкѣ въ Литву и Польшу и о ея цѣли онъ самъ объясняется въ донесеніи, о которомъ еще будемъ имѣть случай упомянуть.

(2) Донес. Долгорукова отъ 22 марта.

или опорочить свои дѣйствія, Августъ рѣшился на послѣднее, подписалъ требуемую грамоту, и послалъ съ нею старосту Чехоповскаго, а между тѣмъ, «тайно отъ министровъ своихъ подписалъ позволеніе Курляндцамъ сеймъ созвать» (1). Оставалось только приложить печать къ этой грамотѣ; но конечно ея не далъ бы коронный канцлеръ, Шембекъ, глава польскихъ патріотовъ. Чтò же дѣлаютъ Августъ и его сынъ? Предлагаютъ тысячу червонныхъ подканцлеру (Липскому), чтобы только онъ дослалъ имъ коронную печать; а какъ Липскій не соглашается, то Морицъ беретъ съ собою готовую и подписанную уже грамоту и ѣдетъ въ Вильно къ своему союзнику, Поцею, въ надеждѣ что его (литовскій) подканцлеръ будетъ снисходительнѣе и утвердить королевскій актъ хоть литовскою печатью. Удалось ли ему это сдѣлать или нѣтъ, неизвѣстно; но должно согласиться, что при такихъ дѣйствіяхъ со стороны польскихъ королей, не мудрено, что они не пользовались ни довѣріемъ, ни уваженіемъ своихъ подданныхъ, что подданные не скрывали своихъ подозрѣній и пользовались каждымъ случаемъ, чтобы ограничить ихъ власть.

Между тѣмъ въ Митаву пріѣхалъ, послѣ долгаго отсутствія, человекъ, давшій первое движеніе всей этой сложной интригѣ, Фонъ-Бракель. На бывшемъ по этому поводу частномъ ландтагѣ (2), выразилось единогласное сочувствіе предложенному имъ соображенію, объ избраніи Морица и сочетаніи его бракомъ съ Анной Іоанновной. Тогда же положено было созвать большой ландтагъ, для совершенія самаго избранія.

Здѣсь однако встрѣчалось довольно важное затрудненіе; по смыслу конституціи, распоряженіе о сборѣ ландтага предоставлялось владѣтельному герцогу, или, какъ въ настоящемъ случаѣ, регенту; но можно ли было ожидать, чтобы герцогъ Фердинандъ на это согласился? Поэтому оберъ-раты рѣшились дѣйствовать его именемъ: «Мы, Божіею милостію, Фердинандъ, герцогъ Курляндскій и Семигальскій», писали они, приглашая дворянство прислать своихъ депутатовъ для совѣщанія о средствахъ къ сохраненію своихъ правъ и вольностей. «Г. Карппъ, сказано тамъ далѣе, обѣщалъ намъ отъ имени гетмана литовскаго, содѣйствіе къ сохраненію нашихъ правъ и вольностей

---

(1) Донес. Долгорукова отъ 7 мая.

(2) Деп. Бестужева Остерману 10 мая.

и къ утвержденію того, что мы постановимъ относительно общественныхъ дѣлъ о престолонаслѣдіи...» (1)

Этотъ актъ не оставлялъ никакого пути къ отступленію; въ немъ официально высказаны были истинные виды курляндскаго дворянства, и указано подъ слишкомъ прозрачнымъ покровомъ на сочувствіе къ нимъ короля польскаго. Онъ произвелъ страшный взрывъ негодованія, какъ въ Варшавѣ со стороны польскихъ патріотовъ, такъ и въ Данцигѣ, со стороны администратора. Фердинандъ немедленно отправилъ протестъ противъ злоупотребленія его именемъ и поспѣшилъ противопоставить Морицу собственнаго кандидата, въ лицѣ своего племянника, ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, которому завѣщевалъ свои собственные имѣнія (2).

Между тѣмъ пріѣхалъ въ Курляндію и Морицъ. Въ лицѣ Морица, какъ мы уже замѣтили, осуществлялась для Курляндцевъ ихъ гражданская независимость, неприкосновенность ихъ правъ, преданіе, которымъ они гордились, всѣ эти возвышенные интересы, развитію которыхъ такъ сильно способствовало участвованіе въ общественныхъ дѣлахъ,—интересы, тѣмъ болѣе дорогіе, что имъ грозила опасность. Весьма можно думать, что курляндскіе патріоты предавались и другимъ, еще болѣе смѣлымъ замысламъ и, глядя на королевство Прусское, бывшее нѣкогда въ положеніи совершенно подобномъ Курляндіи, глядя на очевидное разложеніе Польскаго государства, мечтали о полной самостоятельности подъ покровомъ новой династіи. А потому понятно, что курляндское дворянство встрѣчало Морица съ пламеннымъ энтузіазмомъ; да онъ и обладалъ всѣми качествами, чтобы поддержать этотъ энтузіазмъ, по крайней мѣрѣ на первое время. Прикрывая свою поѣздку частнымъ дѣломъ, онъ могъ отваживаться только на полупризнанія, на намеки, или развѣ лишь въ тѣсномъ кругу открывать свои планы и надежды; тѣмъ не менѣе его ласковость, открытый видъ, твердое упованіе на успѣхъ, въ которомъ мудро еще было тогда предугадать вѣтренную самонадѣянность, поселяли къ нему слѣпую вѣру во всѣхъ. Онъ переезжалъ изъ замка въ замокъ, старинныя готическія залы гремѣли тостами въ его честь, тяжелыя серебрянныя чаши чокались и

---

(1) *Hist. de Maurice* etc. Весь циркуляръ приведенъ въ этомъ сочиненіи in extenso.

(2) *Curland* etc.

опораживались, и лики дѣдовъ, покрытыхъ сталью, сподвижниковъ Готгарда и Якова, ласково глядѣли изъ почернѣлыхъ рамъ на молодое поколѣніе, такъ горячо принимавшее къ сердцу дѣло національной самостоятельности.

Бестужевъ почти ежедневно доносилъ о возрастающей привязанности дворянства къ своему будущему герцогу. При такомъ состояніи умовъ, мудрено было нашему посланнику сдѣлать что-нибудь въ пользу ввѣренныхъ ему интересовъ; могъ ли вступать въ состязаніе съ этимъ блестящимъ претендентомъ, разливавшимъ вокругъ себя очарованіе, невѣдомый голштинскій принцъ, или слишкомъ извѣстный князь Меншиковъ? Притомъ и сама герцогиня была на сторонѣ Морица. Въ самомъ дѣлѣ, естественно было ей, послѣ двухъ мѣсяцевъ брачной жизни и пятнадцати лѣтъ вдовства, желать разстаться наконецъ съ этою свободой, которою сосѣдніе дворы располагали по усмотрѣнію своей политики. Этотъ дворецъ, очень благородной архитектуры, но довольно мрачный, со рвами, дававшими ему видъ старинной крѣпости, этотъ дворъ, маленький и скучный, въ которомъ тайно присутствовало согладеніе, то съ русской, то съ польской стороны, должны были страшно надоесть ей, и ея частыя поѣздки изъ Митавы въ Петербургъ очень понятны; тамъ по крайней мѣрѣ она была въ своемъ семействѣ; тамъ были самостоятельные интересы, движеніе, интриги, шумъ, разнообразіе, удовольствія, все, что составляетъ принадлежность дворовъ, и что теперь приносилъ въ собою въ Митаву молодой, блестящій питомецъ Версаля.

Между тѣмъ день, назначенный для рѣшительнаго ландтага, приближался посреди всеобщаго волненія и тревогъ. Депутаты земскихъ округовъ, или *кирхшпилей*, собирались въ Митаву со всѣхъ концовъ. Частые съѣзды и совѣщанія происходили, то у того, то у другаго; трое изъ оберъ-ратовъ, фонъ-Бринкенъ, Кейзерлингъ и фонъ-Брюггенъ, и «главный всему дѣлу заводчикъ» фонъ-Бракель, были центрами приверженцевъ Морица; около нихъ группировалось съ рѣдкимъ единодушіемъ все дворянство, такъ что нашъ Бестужевъ и староста Чехоповскій, представитель польскаго сената, вопіяли въ пустынь, одинъ о доблестяхъ князя Меншикова и принца Голштинскаго, другой о выгодахъ для Курляндіи быть воеводствомъ польско-литовской республики.

Наступило наконецъ первое засѣданіе знаменитаго ландта-

га. 28 (17) іюня, собралось сорокъ человекъ депутатовъ отъ всей курляндской земли (1). Сеймъ открылся рѣчью Бракеля; посреди глубокаго и внимательнаго безмолвія, началъ онъ излагать обстоятельства своего двухлѣтняго пребыванія въ Варшавѣ, свои безуспѣшныя старанія, постоянныя отказы короля допустить его на аудіенцію, наконецъ тайный разговоръ съ нимъ, когда родилась мысль о избраніи графа Морица, разговоръ, доказавшій его несомнѣнное сочувствіе: «мнѣ мнится, писалъ въ то утро Бестужевъ, что неотмѣнно его (Морица) примутъ»!

И дѣйствительно, когда дошло дѣло до подашія голосовъ, Морицъ былъ выбранъ единодушно, единогласно. Депутация отъ ландтага немедленно отправилась къ Морицу поднести ему титулъ наслѣднаго герцога, а оттуда къ вдовствующей герцогинѣ (2). При этомъ случаѣ ей было формально выражено желаніе курляндскаго дворянства соединить, посредствомъ брачнаго союза ея съ графомъ Морицемъ, древнюю герцогскую династію съ новою. Анна Іоанновна отвѣчала депутатамъ, что судьба ея зависить отъ воли русской императрицы, но вслѣдъ за тѣмъ обратилась съ письмомъ къ графу Остерману, прося его содѣйствія: «чтобъ ея императорское величество, писала она, всемилостивѣйше повелѣла сіе мое дѣло съ принцемъ Морицемъ совершить...» (3).

Вслѣдъ за симъ былъ составленъ актъ избранія (4). «Вѣдомо да будетъ всякому, писано было въ этомъ актѣ, понеже чрезъ волю Вышняго, до сихъ мѣстъ состоявшая фамилія свѣтлѣйшаго годгардъ-кетлерскаго дому, въ особѣ свѣтлѣйшаго герцога княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго, Фердинанда, *повидимому скоро пресльщется*... оберъ-раты и рыцарство этихъ княжествъ, предупреждая бѣдствія, сопряженныя съ междоусобицами, избрали графа Морица Саксонскаго, и ему и его мужскимъ наслѣдникамъ, въ случаѣ смерти безъ мужскаго потомства герцога Фердинанда, яко своему государю и гер-

(1) Донес. Бестужева 17 іюня.

(2) *Moritz in Russl.* Риж. Календ. 1859.

(3) Отъ 19 іюня.

(4) Актъ этотъ сообщенъ Бестужевымъ нашему правительству, но въ переводѣ столь неисправномъ, что во многихъ мѣстахъ трудно было бы угадать истинный его смыслъ, еслибъ авторъ книги *Histoire de Maurice*, переведя его на французскій языкъ, не далъ намъ возможности понять русскій текстъ.

цогу, по силѣ вышеписаннаго сеймоваго приговора, поддаются, и отъ него никакимъ способомъ себя отвратить не допустить... Насупротивъ того, свѣтлѣйшій принцъ наипаче обязуется, чтобъ ему землѣ помощію и защитой присутствовать (*seconder, aider et protéger*); нужды и налоги во всѣхъ случаяхъ, гдѣ востребуется, къ отвращенію стараться; при евангельской аугсбургской вѣрѣ самому оставаться и землю при оной содержать, и оную землю при всѣхъ своихъ имѣющихся правахъ, привилегіяхъ, статутахъ, преимуществахъ и вольностяхъ... содержать и самому оныя не нарушать, ниже къ нарушенію допускать» и пр.

Этого акта, составляющаго взаимныя обязательства народа къ герцогу и герцога къ народу, было написано два экземпляра, изъ коихъ одинъ подписанъ Морицемъ, другой депутатами въ числѣ тридцати человекъ и черезъ нѣсколько дней отправленъ какъ въ Варшаву для утверждешя, такъ и въ Петербургъ, какъ къ союзному, дружественно-расположенному правительству (1). Но въ Петербургъ въ это время грозная туча собиралась надъ Курляндіей.

Князь Меньшиковъ, извѣстясь отъ своихъ агентовъ, что кандидатура его въ Курляндіи имѣетъ очень мало вѣроятностей успѣха, и что посланникъ нашъ не очень горячо поддерживаетъ ее, убѣдясь наконецъ и самъ изъ донесеній Бестужева, что онъ сочувствуетъ кандидатурѣ графа Морица и его бракосочетанію съ Анной Іоанновной, Меньшиковъ, котораго кредитъ въ это время не имѣлъ предѣловъ, настоялъ, чтобъ былъ немедленно вызванъ изъ Варшавы и посланъ въ Курляндію Долгоруковъ, какъ самый значительный въ то время у насъ дипломатическій авторитетъ. Подхваченный такъ неожиданно изъ Варшавы, гдѣ онъ велъ пріятную жизнь посреди гостепріимныхъ Поляковъ и любезныхъ Полекъ, Долгоруковъ потащился въ Петербургъ по литовскимъ топямъ, по сыпучимъ пескамъ Семигаліи и Остзейскихъ провинцій. Здѣсь едва дали ему время поздороваться съ женой, къ которой онъ всегда былъ очень привязанъ, и немедленно же послали въ Митаву; послали съ такою поспѣшностію, что онъ не дождался, пока канцеляріи изготовятъ ему инструкцію, вѣрительную грамоту и другія бумаги: онѣ были доставлены ему уже въ

---

(1) Донес. Бестужева отъ 8 июля.

Митаву гофъ-шикеромъ Алексѣемъ Татищевымъ; изъ одной записки его къ кабинетъ-секретарю Макарову (отъ 8 іюля) видно, что онъ не успѣлъ проститься съ нимъ, «торопясь», и что принужденъ былъ взять у кого-то «шесть рубахъ», ибо багажъ свой оставилъ (вѣроятно на дорогѣ изъ Варшавы въ Петербургъ). Съ такою поспѣшностію поскакалъ Долгоруковъ; но по дурнымъ тогдашнимъ дорогамъ коляска его ломалась, и онъ прибылъ въ Ригу не раньше, какъ на четвертыя сутки, то-есть 26 іюня; пока ему перемѣняютъ лошадей, онъ садится писать: «сейчасъ же, доносить онъ верховному совѣту, ѣду въ Митаву, потому что слышу здѣсь, что ландтагъ уже совершилъ избраніе, и посылаю нарочнаго къ Бестужеву просить, чтобъ онъ убѣдилъ неразѣхавшихся еще депутатовъ приостановиться своимъ отъѣздомъ.»

Но зачѣмъ такъ спѣшилъ князь Долгоруковъ? Изъ-за чего ломалъ онъ экипажи, скакалъ день и ночь, разсылалъ курьеровъ? Чтò имѣлъ онъ особенно важнаго сообщить курляндскимъ депутатамъ? Онъ везъ официальное съ нашей стороны предложеніе кандидатуры князя Меньшикова (1).

Рано утромъ, на слѣдующій день, Долгоруковъ прискакалъ въ Митаву, и, не теряя ни минуты, послалъ къ президенту ландтага, Сакену, просить его къ себѣ, вмѣстѣ съ наличными депутатами (2). Пополудни пріѣхали къ нему Сакенъ и два депутата, Медемъ и Генингъ. Онъ напомнилъ имъ о твердой рѣшимости рѣчи посполитой присоединить Курляндію, раздѣливъ ее на воеводства, и о томъ, что одна Россія, своимъ заступленіемъ, можетъ отвратить такое бѣдствіе, если избраніе будетъ въ духѣ, благопріятномъ ея политикѣ. «Я слышалъ, присовокупилъ онъ, что ландтагъ собирался, но мнѣ поручено просить курляндское дворянство, отложить или уничтожить его рѣшеніе, потому что русское правительство желаетъ предложить курляндскому дворянству своихъ кандидатовъ: князя Меньшикова и принца Голштинскаго.»—«Дѣйствія бывшаго ландтага, отвѣчалъ Сакенъ, основаны на правахъ, утвержденныхъ польскимъ правительствомъ и гарантированныхъ русскимъ; нѣтъ сомнѣнія, прибавилъ онъ, что изъ признательности къ участию, издавна принимаемому русскими государями въ судьбахъ Курляндіи, мнѣніе императрицы было бы испро-

---

(1) Инструкція Долгорукову отъ 23 іюня.

(2) Донесен. Долгорукова отъ 8 іюля.

шено предварительно; но король польскій, нашъ законный сюзерентъ, строго запретилъ всякія по этому предмету сношенія съ иностранными правительствами. Впрочемъ императрицѣ, какъ могущественной союзницѣ курляндскаго герцогства, послано извѣщеніе о рѣшеніи ландтага въ одно время съ королемъ польскимъ, отъ котораго въ настоящее время уже ожидаютъ утвержденія всему постановленному на ландтагѣ, и слѣдовательно, заключилъ курляндскій депутатъ, переимѣнить это рѣшеніе теперь невозможно.»—«Съ какого однако разрѣшенія, возразилъ Долгоруковъ, вашъ ландтагъ приступилъ къ избранію новаго герцога при живомъ герцогѣ? Я недавно изъ Варшавы самъ и очень хорошо знаю, что король и рѣчь посполитая такихъ дѣйствій не могутъ одобрить.»

Вопросъ былъ категорическій; отвѣчать на него положительнымъ образомъ было неудобно, а потому депутаты ограничились уклончивымъ отвѣтомъ, изъявляя надежду, что король не будетъ строго осуждать ихъ и утвердить посланный къ нему актъ избранія; они прибавили, что и императрица русская вѣроятно одобритъ ихъ дѣйствія, когда узнаетъ о желаніи ихъ видѣть вдовствующую герцогиню, соединенную брачными узами съ наслѣднымъ герцогомъ; что же касается до кандидатовъ, предлагаемыхъ русскимъ правительствомъ, заключали они, то князь Меншиковъ «не нѣмецкой націи и не нашего закона», а принцу Голштинскому только тринадцать лѣтъ.

Этотъ разговоръ долженъ былъ разъяснить Долгорукову состояніе умовъ въ Курляндіи, мало обѣщавшее успѣха. Онъ въ тотъ же день видѣлся съ канцлеромъ Кейзерлингомъ, а на завтра съ ландъ-гофмаршаломъ фонъ-Бринкеномъ, которому глубокая старость не позволяла выходить изъ комнаты; но получилъ отъ обоихъ отзывы, подобные вышеприведеннымъ. Очень затруднительно становилось порученіе Долгорукова, и вдругъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобъ еще болѣе запутать все это запутанное уже дѣло, онъ получаетъ два рескрипта императрицы (7) отъ одного и того же числа (23 іюня), изъ коихъ однимъ онъ

---

(1) О полученіи одного, касательно принцевъ Гомбургскихъ, 28 іюня, видно изъ собственнаго донесенія кн. Долгорукова (8 іюля); тамъ онъ именно говоритъ, что при первомъ свиданіи своемъ съ депутатами не упоминалъ объ этихъ принцахъ, потому что рескриптъ касательно ихъ полученъ лишь 28 числа. Весьма вѣроятно, что и другой рескриптъ, писанный въ одинъ день, онъ и получить долженъ былъ въ одно же время.

поставлялся въ извѣстность, что главный надзоръ за всѣми дипломатическими дѣйствіями въ Курляндіи порученъ князю Меньшикову, а другимъ предписывалось Долгорукову настаивать на избраніи герцога Голштинскаго; въ случаѣ же невозможности, представить нашими кандидатами двухъ братьевъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, состоявшихъ въ русской службѣ... О Меньшиковѣ не упоминалось вовсе. Чего же наконецъ хотять въ Петербургъ? долженъ былъ съ изумленіемъ спросить себя озадаченный дипломатъ; и есть ли тамъ дѣйствительно какая-нибудь опредѣленная цѣль?.. Но какъ въ это время онъ получилъ вѣсть о прибытіи въ Ригу князя Меньшикова, онъ немедленно поскакалъ для свиданія съ нимъ.

Въ то же время, по дорогѣ изъ Митавы въ Ригу, сыпучими песками и темными лѣсами, тяжело тащилась другая коляска, длинная, грузная, съ пузатымъ кузовомъ, съ нахлобученнымъ верхомъ, словомъ, коляска, какія тогда были въ употребленіи; не въѣзжая въ городъ, она остановилась въ предмѣстьи; двѣ дамы вышли изъ нея: это была герцогиня съ своею прислужницей, нарочно пріѣхавшая для свиданія съ Меньшиковымъ. Вотъ какъ онъ описываетъ это свиданіе въ письмѣ къ императрицѣ, отысканномъ академикомъ Арсеньевымъ въ дѣлахъ главнаго архива (1): «28 іюня, увѣдавъ о моемъ прибытіи, прибыла сюда царевна Анна Іоанновна въ коляскѣ съ одною дѣвушкой, и, не бывъ въ городѣ, стала за Двиной и прислала ко мнѣ служителя своего, который мнѣ объявилъ о прибытіи ея высочества и просилъ именемъ ея, дабы я къ ея высочеству пріѣхалъ туда повидаться; что я, выслушавъ, тотчасъ поѣхалъ, и когда прибылъ въ квартиру ея высочества, тогда изволила принять благопріятнымъ образомъ и приказала всѣхъ выслать, и, не вступая въ дальніе разговоры, начала рѣчь о извѣстномъ курляндскомъ дѣлѣ съ великою слезною просьбой, чтобы въ утвержденіи герцогомъ курляндскимъ князя Морица и, по ея желанію, о вступленіи съ нимъ въ супружество могъ я исходатайствовать у вашего величества милостивѣйшее повелѣніе, на что я съ учтивостію ея высочеству отвѣтствовалъ, что ваше величество одного Морица до герцогства Курляндскаго для вредныхъ интересовъ россійскихъ и польскихъ допустить не изволите; третье, ея высочеству въ супружество вступить

---

(1) Царствованіе Екатерины I, прил. 10.

съ нимъ неприлично, понеже оный рожденъ отъ метрессы, а не отъ законной жены, что вашему величеству и ея высочеству и всему государству будетъ безчестно; четвертое, что ваше величество изволите трудиться для интересовъ российскихъ; которое мое предложеніе ея высочество, выслушавъ, разсудила все то свое намѣреніе оставить, и настояще желаетъ, *дабы въ Курляндіи быть мнѣ*, понеже она во владѣніи своихъ деревень надѣется быть спокойна; ежели же кто другой избранъ будетъ, то она не можетъ знать, ласково ли съ нею поступать будетъ, дабы ея не лишилъ вдовствующаго пропитанія.»

Это письмо очень любопытно, но довѣрять ему безусловно нельзя. Едва ли доводы князя Меншикова были такъ поразительны, чтобы заставить герцогиню мгновенно перемѣнить свое мнѣніе, отказаться отъ надежды быть владѣтельною герцогиней и супругой человека, который ей нравился. Вдовье содержаніе было ей обезпечено формальнымъ договоромъ, нарушить который ни одинъ герцогъ не имѣлъ права, да и Россія до того вѣроятно не допустила бы. Несравненно вѣроятнѣе, что Анна Іоанновна уѣхала столь же мало убѣжденная доводами своего собесѣдника, сколько и онъ ея «великою слезною просьбою», и что заключеніе разговора придумано Меншиковымъ съ цѣлю увѣрить императрицу и ея совѣтъ, что кандидатура его не встрѣчаетъ серьезныхъ препятствій, и что, поддерживая оную, наше правительство не противорѣчитъ ни желанію герцогини, ни видамъ курляндскаго дворянства.

Но эти увѣренія Меншикова о сочувствіи къ нему Курляндцевъ конечно никого не обманывали, и есть сильныя основанія думать, что весьма многія правительственныя лица не одобряли безразсудныхъ притязаній его на курляндскій тронъ. Пересматривая переписку по этому поводу, мы замѣчаемъ, что первыя о томъ состоянія Меншикова къ Бестужеву и Долгорукову, были сдѣланы въ началѣ апрѣля, между тѣмъ, какъ только 31-го мая графъ Головкинъ рѣшился выразиться положительнымъ образомъ о его кандидатурѣ, и то въ частномъ письмѣ; графъ Остерманъ вовсе уклонился отъ участія въ этомъ дѣлѣ, хотя, какъ мы видѣли, Меншиковъ искалъ его содѣйствія, и наконецъ не ранѣе 23 іюня, а именно уже въ инструкціи, данной Долгорукову, мы находимъ официально выраженную мысль о предложеніи Меншикова кандидатомъ со стороны русскаго правительства. Сближеніе всѣхъ

этихъ чиселъ даетъ новое основаніе слишкомъ еще мало изслѣдованному, къ сожалѣнію, извѣстію о сильномъ въ это время пониженіи кредита знаменитаго временщика (1); и кажется мы не ошибемся, если скажемъ, что честолюбивая его затѣя встрѣтила нѣкоторое сопротивленіе въ Петербургѣ (къ чести тогдашнихъ государственныхъ людей); что самое согласіе императрицы, онъ можно сказать исхитилъ у нея (*escamoté*), благодаря своему неограниченному на нее вліянію, но что не замедлили открыть ей въ этомъ отношеніи глаза. Въ самомъ дѣлѣ, уже 25 іюня, то-есть на другой день по отъѣздѣ Меншикова въ Ригу (2), былъ къ новому послу нашему отправленъ, какъ мы видѣли, рескриптъ касательно принцевъ Голштинскаго и Гессенскихъ, въ которомъ имя Меншикова вовсе не упоминалось.

Таково было довольно двусмысленное положеніе этого фаворита, и тѣмъ необходимѣе было ему употребить всю свою могучую энергію, не разбиравшую средствъ для достиженія предполагаемой цѣли: въ противномъ случаѣ, дѣла его могли принять въ Петербургѣ весьма худой оборотъ.

Разставшись съ герцогиней и переговоривъ съ Долгоруковымъ, Меншиковъ съ нимъ вмѣстѣ поскакалъ въ Митаву, и немедленно послалъ звать къ себѣ курляндскихъ депутатовъ.

Представители маленькаго слабаго владѣнія не рѣшились пренебречь этимъ гордымъ приглашеніемъ, и на другой день собрались въ числѣ шестнадцати человѣкъ; пріѣхалъ и канцлеръ Кейзерлингъ. Меншиковъ вышелъ къ нимъ (3) съ строгимъ видомъ, грозно нахмутивъ брови... Въ сущности, онъ говорилъ тоже, что уже они слышали отъ Долгорукова; но тотъ говорилъ тономъ дипломата, привыкшаго имѣть дѣла съ людьми самостоятельными; Меншиковъ же, давно отвыкшій видѣть себѣ равныхъ, давно не встрѣчавшій передъ собою ничего самостоятельнаго, давно привыкшій или кланяться и ласкаться, или грозить и при-

(1) Объ этомъ упоминаетъ и г. Арсеньевъ въ книгѣ своей *Царствованіе Екатерины I*, но очень вскользь; а пользуясь дѣлами нашихъ архивовъ, онъ могъ бы, кажется, раскрыть это обстоятельство во всей подробности.

(2) День его отъѣзда неизвѣстенъ, но какъ онъ пріѣзжалъ въ Ригу, на другой день послѣ Долгорукова, то вѣроятно и выѣхалъ изъ Петербурга на другой же день послѣ него, то-есть 24 числа.

(3) Донес. Долгорукова отъ 8 іюля; также *Hist. de Maurice. etc. Mitt.* См. письма графа Морица къ графу Остерману.

казывать, заговорилъ съ Курляндцами тономъ господства и угрозы: страшалъ вступленіемъ русскихъ войскъ (1), ссылкой въ Сибирь... Увы! изъ всѣхъ присутствовавшихъ, ему первому пришлось познакомиться съ Березовымъ!..

Оставленные Августомъ, угрожаемые польскимъ правительствомъ, Курляндцы не могли безъ крайняго неблагоразумія отвѣчать Меншикову въ томъ тонѣ, котораго онъ заслуживалъ, и принуждены были прибѣгнуть къ тактикѣ слабыхъ,—къ хитростямъ и уловкамъ. Они просили времени на размышленіе до завтра, а наслѣдующее утро Кейзерлингъ и фонъ-Брюггенъ, прѣхавши къ Меншикову, объявили, что они *согласны объявить* дворянству о *выраженномъ имъ желаніи*,—отвѣтъ уклончивый, котораго лукавое значеніе, кажется, не было понято нашимъ фельдмаршаломъ. Впрочемъ мысли его были отвлечены визитомъ къ нему графа Морица.

Соперники встрѣтились съ соблюденіемъ всѣхъ условій вѣжливости; но говоря, черезъ переводчика конечно, привѣтствія другъ другу, они въ то же время измѣряли одинъ другаго глазами, какъ гладіаторы, готовые вступить въ бой... Правду сказать, мудрено вообразить двухъ человѣкъ болѣе противоположныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ этотъ старый солдатъ, прокопченный дымомъ полтавскаго сраженія, и этотъ придворный генералъ, обрызганный *альпійскою водою*; какъ этотъ суровый старикъ, преобразенскій *потѣшный*, обвѣшанный орденами двухъ имперій и нѣсколькихъ королевствъ, и этотъ баловень женщинъ, дилетантъ осадъ и сраженій. Меншиковъ и Морицъ прошли въ особую комнату, и дверь за ними затворилась; что они говорили между собою, исторія не успѣла подслушать; но вотъ однакожъ нѣсколько словъ изъ этого разговора, которыя передали намъ біографы саксонскаго принца (2). Переговоривъ о взаимныхъ правахъ своихъ на герцогскую курляндскую корону, Меншиковъ, какъ практиче-

(1) Меншиковъ просилъ у императрицы позволенія ввести, въ случаѣ надобности, дивизію генерала Бока въ Курляндію; это видно изъ рескрипта къ нему ея величества отъ 16 іюля.

(2) *Hist. de Maurice, Leben und Thaten des weltberühmten Gr. Moritz v. Sachsen*, Leipzig, 1774. Это есть первая по времени біографія Морица; она напечатана еще при его жизни. Въ послѣдствіи д'Еспаньякъ написалъ *Histoire de Maurice, Comte de Saxe, etc.*, Paris. 1773 (1774, 1775), но эта компиляція изъ книги Нееля и изъ вышеприведеннаго сочиненія.

скій человекъ, спросилъ своего соперника, какими средствами онъ располагаетъ для поддержанія своихъ правъ? «Если право на моей сторонѣ, то оно само себя поддержитъ», отвѣчалъ блестящій Французъ.

Мудрено рѣшаться за довѣренность этихъ словъ, но они очень хорошо рисуютъ характеры обоихъ соперниковъ. Меньшикова, понимавшаго право не иначе, какъ подкрѣпленное силою и больше довѣрявшаго силѣ чѣмъ праву, и Морица, разрѣшающаго политическое затрудненіе остроумною фразой. Есть извѣстіе, что онъ предлагалъ князю Меньшикову окончить споръ поединкомъ (1), предложеніе, которое должно было показаться Меньшикову очень смѣшнымъ...

Въ чемъ однакожь дѣйствительно состояли тѣ матеріальныя средства, которыми располагалъ Морицъ? Надо признаться, что они были очень не велики. Политическихъ связей онъ не имѣлъ никакихъ; ни одно правительство не интересовалось его избрашемъ, не патронировало его; напротивъ какъ мы видѣли, русское и польское самымъ положительнымъ образомъ ему противились; регентъ Курляндіи протестовалъ противъ самой мысли объ этомъ избраніи; одинъ слѣдовательно король польскій былъ за Морица, но только какъ частное лицо, и принужденъ былъ дѣйствовать тайно, глухими путями, интриговать часто, отказываясь отъ своихъ дѣйствій. Что касается до денежныхъ средствъ, въ подобныхъ случаяхъ весьма не излишнихъ, то они были еще ничтожныѣ. Задумавъ быть независимымъ государемъ, онъ поспѣшилъ сообщить о томъ своимъ парижскимъ друзьямъ, прося помочь ему деньгами. Блестящая будущность, открывавшаяся Морицу, встрѣтила большую симпатію въ этой впечатлительной, легко увлекающейся средѣ французскаго общества; открылась въ его пользу подписка, можетъ-быть тайно покровительствуемая французскимъ правительствомъ, которое конечно съ удовольствіемъ увидѣло бы преданоаго себѣ государя на берегахъ Балтійскаго моря; многочисленные друзья Морица съ увлеченіемъ опорожняли свои кошельки въ пользу будущаго владѣтельнаго герцога; извѣстная Адриенна Лекуверрь, которая тогда была очень привязана къ нему, пишетъ біографъ Морица, заложила свои брилліанты, чтобы собрать сорокъ тысячъ франковъ. На собранныя

(1) *Gesch d. russ. Staats.* Hermann. 485.

такимъ образомъ деньги предположено было наwerben трехтысячное войско. Вербовка производилась въ Литтихъ; но какъ ни горячо было сочувствіе друзей Морица, собранной ими суммы достало только на приобрѣтеніе 1800 человекъ, которыхъ и направили къ Любеку, откуда они должны были моремъ переправиться въ Курляндію; однакожь этотъ сбродъ людей всѣхъ возможныхъ націй, не дойдя до Любека, больше чѣмъ на половину разбѣжался, такъ что не болѣе восьмисотъ человекъ могло стать подъ знамена молодаго претендента, да и тѣхъ еще надо было обучить и подчинить дисциплинѣ прежде нежели они могли оказать какую-нибудь помощь (1).

А весьма не мѣшало подумать о средствахъ, какъ встрѣтить и чѣмъ отразить грозу. Какъ мы видѣли, польскіе патриоты давно уже не хотѣли слышать ни о чемъ другомъ, какъ о непосредственномъ присоединеніи Курляндіи къ Польскому королевству и о раздѣленіи ея на воеводства; когда же до нихъ дошло извѣстіе о рѣшительномъ поступкѣ Курляндцевъ, негодованіе ихъ было неописанно. Коронный канцлеръ, Шембекъ, немедленно отправилъ курьера къ примасу, врагу Морица, къ другимъ магнатамъ и сенаторамъ, какъ мы видѣли, просить, чтобъ они, бросивши все, спѣшили въ Варшаву; король клялся, что онъ ничего не знаетъ; саксонская камарилья торжествовала, но украдкой, не безъ смущенія замѣчая всеобщее противъ себя неудовольствіе.

Съ другой стороны, Меньшиковъ напрягалъ всѣ силы, чтобы склонить умы упрямыхъ Курляндцевъ; къ этому побуждало его то обстоятельство, что кредитъ его значительно въ это время поколебался въ Петербургѣ. Не только старинные его враги и завистники, но и друзья возстали противъ него; вся тогдашняя переписка съ нимъ нашего двора доказываетъ это; его предупреждаютъ объ опасности раздражить Польшу, совѣтуютъ соглашать свои дѣйствія съ мнѣніями Долгорукова, близко знающаго положеніе дѣлъ, наконецъ приглашаютъ возвратиться въ Петербургъ (2). Меньшиковъ съ своей стороны

---

(1) *Hist. de Maurice*, etc.

(2) Въ предложеніи отъ 11 іюня писано отъ имени государыни, что хотя и апробуется изъявленное имъ неудовольствіе нашего правительства на избраніе Морица; но «вы ихъ принудили держать новѣй ландтагъ, то мы не знаемъ, будетъ ли то къ пользѣ нашихъ интересовъ, ибо и Рѣчь Посполитая за то на насъ можетъ озлобиться» и пр. Тутъ

старался утвердить въ нашемъ правительствѣ мысль, что дѣло о его избраніи идетъ какъ нельзя лучше, что никакихъ серьезныхъ препятствій не встрѣчается ни откуда: это уже замѣтили мы, говоря о письмѣ его, въ которомъ онъ разказываетъ о своемъ свиданіи съ герцогиней. Донося о свиданіи своемъ съ курляндскими депутатами, онъ писалъ, что они склонились держать новый ландтагъ (1). Такъ передавалъ онъ уклончивый отвѣтъ Курляндцевъ на его угрозы. Оказалось однакожь, что они провели его одною внѣшностію, однимъ видомъ уступки, можетъ-быть какою-нибудь игрой словъ въ отвѣтъ своемъ. Согласно своему обѣщанію, они изготовили циркуляръ, въ которомъ извѣщали дворянство о неудовольствіи русскаго двора и о желаніи его, чтобъ былъ собранъ новый ландтагъ; затѣмъ излагали свои *ремонтраціи*, и заключали циркуляръ словами: «о чемъ извѣщаемъ», не прибавляя отъ себя нисколько утѣшительнаго исполнить требованіе князя Меншикова.

Такое распоряженіе вовсе не соответствовало тому, чего ожидалъ нашъ кандидатъ: онъ требовалъ формальнаго приглашенія дворянъ на новый сеймъ, желалъ утѣшаній въ пользу своей кандидатуры; циркуляръ же только выставлялъ его претензіи, и притомъ въ такомъ свѣтѣ, что онъ никакъ не могли показаться законными и явно вызывали порицаніе.

Долгоруковъ ужаснулся этого циркуляра; встрѣтя въ тотъ же день за обѣдомъ у герцогини канцлера, который изъ всѣхъ оберъ-ратовъ казался янаиболѣе готовымъ на уступки, онъ «дѣлалъ ему сильныя представленія» (2); ѣздилъ къ старику фонъ-Бринкену; убѣждалъ его, «представлялъ всѣ резоны», гово-

---

же рекомендуется Меншикову совѣщаться съ Долгоруковымъ, «который о состояніи того дѣла въ Польшѣ наилучше можетъ быть извѣстенъ». Тутъ же приглашается онъ не медлить, ибо «и здѣсь есть вамъ не безъ нужды для совѣтовъ о нѣкоторыхъ новыхъ и важныхъ дѣлахъ»; касательно занятія должности рижскаго генералъ-губернатора отказывается. 19 іюля послѣдовалъ рескриптъ на имя Долгорукова, чтобы «не мѣшкая» возвращался въ Петербургъ. Изъ рескрипта самой императрицы отъ 16 іюля Меншикову видно, наконецъ, что ему не разрѣшено ввести въ Курляндію дивизію Бока: все дѣлалось, какъ видно, ему наперекоръ.

(1) Самого этого донесенія мы не имѣли передъ глазами; но въ рескриптѣ къ нему кабинета, служащемъ отвѣтомъ на это донесеніе, сказано: «что касается до того, что вы ихъ принудили держать новый ландтагъ», и пр.

(2) Долгоруковъ Меншикову отъ 1 іюля.

рилъ, что все дѣло и состоитъ въ томъ именно, чтобы пригласить депутатовъ на новый съѣздъ, а не просто только увѣдомить ихъ о бывшемъ разговорѣ: напрасно! Непреклонный ландгофмейстеръ не поддавался ни просьбамъ, ни убѣжденіямъ.

«Эти противно нашимъ правамъ и обычаямъ, говорилъ онъ: еслибъ я согласился на сознаніе новаго ландтага, то былъ бы достоинъ примѣрнаго наказанія,»

Не болѣе уступчивъ былъ и ландмаршалъ фонъ-деръ-Брюгенъ. Долгоруковъ добился только того, чтобы повременить разсылкой подобныхъ циркуляровъ. «Что мнѣ дѣлать?» писалъ онъ къ Меншикову (1).

Отвѣтомъ на это извѣстіе было громовое письмо князя Меншикова къ Кейзерлингу. «При отъѣздѣ моемъ изъ Митавы, писалъ онъ, оберъ-раты *хотѣли разослать* по кирхшпилямъ, *чтобы депутаты собрались чрезъ десять дней*; почему симъ напоминаемъ: извольте въ тѣхъ универсалахъ (циркулярахъ), по предложенію князя Долгорукова, включить, и чтобы депутаты, по обѣщанію вашему, конечно (непремѣнно) въ десять дней могли собраться. Ежели же будете производить къ продолженію какой обманъ, то изъ того произойти можетъ худое слѣдованіе... «Такіе ваши поступки слѣдуютъ къ предосужденію высокія чести ея императорскаго величества.»

Письмо это было доставлено Долгорукову для передачи по принадлежности; но какъ передать подобное письмо? Долгое знакомство съ дипломатическими формами указывало нашему посланнику на все неслыханное неприличіе этого письма. Онъ рѣшился представить Меншикову, что рѣзкій его тонъ можетъ окончательно перепортить все дѣло. «Мнѣ кажется сіе дѣло сильно написано, доносить онъ ему (2), ибо если они будутъ настаивать на своемъ, что тогда останется?... одно: война,—а тотъ способъ остатній! И какъ приметъ это Польша? заключаетъ онъ: конечно не иначе какъ за великую противность.» Письмо съ этими представленіями Долгоруковъ отправилъ въ ту же ночь въ Ригу, съ Вистомъ, который былъ, какъ онъ нишетъ, свидѣтелемъ упорства Курляндцевъ. Отдадимъ въ этомъ случаѣ справедливость Долгорукову: это было, при извѣстномъ самовластіи Меншикова, особенно въ дѣлѣ, гдѣ замѣшивался

(1) Долгоруковъ къ Меншикову, 4 іюля.

(2) Отъ 4 іюля.

его личный интересъ, подвигомъ нѣкотораго гражданского мужества со стороны Долгорукова.

Но Меньшиковъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые довольствуются полууспѣхомъ и останавливаются передъ сопротивленіемъ. Дѣлать было нечего. Долгоруковъ пригласилъ депутатовъ собраться къ ландгофмейстеру фонъ-Бринкену, старику почти лишенному движенія, но пользовавшемуся большимъ вѣсомъ, и тамъ объявилъ имъ формальное и непремѣнное требованіе Меньшикова о сборѣ новаго ландтага, объ уничтоженіи Морицова избранія и о замѣнѣ его однимъ изъ русскихъ кандидатовъ, объявляя, что въ противномъ случаѣ «могутъ произойти злыя слѣдованія», что императрица не только лишитъ ихъ своей протекціи, но и употребитъ все старанія, чтобы возстановить противъ нихъ Рѣчь Посполитую (1). Долгоруковъ читалъ это объявленіе не безъ нѣкотораго смущенія. Курляндцы слушали съ негодованіемъ, но безмолвно и сдерживая свои чувства. Когда чтеніе кончилось, они подошли къ нашему посланнику и попросили, чтобы прочитанное онъ сообщилъ имъ на бумагѣ. Требованіе это было такого рода, что оно могло надѣлать намъ много хлопотъ у Рѣчи Посполитой, которая, каковы бы ни были ея отношенія къ Курляндии, вѣроятно не потерпѣла бы, чтобы русскій генераль обращался съ нею какъ съ завоеванной провинціей. Не желая, какъ онъ самъ объ этомъ пишетъ, «въ семь дѣлъ вязаться», Долгоруковъ отвѣчалъ, что не имѣетъ при себѣ никого, кто бы умѣлъ писать по-нѣмецки, и предложилъ имъ прислать къ нему, кого-нибудь, чтобы со словъ его перевести и записать: этою увѣрткой онъ оставлялъ русскому правительству возможность отказать отъ солидарности за своихъ агентовъ и свалить отвѣтственность на невѣрность перевода. Оберъ-раты согласились и прислали секретаря Бекмана, который записалъ переводимый Вистомъ по-нѣмецки текстъ «объявленія», со словъ Долгорукова.

Кажется, что политика оберъ-ратовъ состояла въ томъ, чтобы выиграть время, пока получатся рѣшительныя извѣстія изъ Варшавы, а между тѣмъ не раздражать Россіи, дѣлая ей нѣкоторыя, болѣе кажущіяся нежели дѣйствительныя уступки; поэтому, на другой день, ими было изъявлено согласіе разо-

(1) Въ бумагахъ, которыя мы имѣли передъ глазами, есть черновая, озаглавленная такъ: «Объявленіе оберратамъ 6 іюля 1726 года».

слать, при своихъ циркулярахъ, и тѣ циркуляры, которые написаль бы Долгоруковъ; призывать же депутатовъ отъ своего имени на новый сеймъ они рѣшительно отказывались.

Это энергическое сопротивленіе и уклончивыя формы оберъ-ратовъ только сильнѣе раздражили Меньшикова; еслибъ отъ него зависѣло, онъ давно бы ввелъ въ Курляндію войска и разрѣшилъ бы узелъ ударомъ меча. Такого исхода и Курляндцы ожидали; волненіе и негодованіе ихъ едва удерживалось отъ взрыва. Вступленіе нашихъ войскъ было бы явнымъ насиліемъ и нарушеніемъ неприкосновенности территоріи, достаточнымъ поводомъ для формальнаго разрыва и войны съ Польшей (*casus belli*). Долгоруковъ тяготился такимъ положеніемъ своимъ; не будучи человѣкомъ высокой гражданской честности, онъ могъ однакожъ не желать быть орудіемъ разрыва и, можетъ-быть, войны съ Польшей изъ-за личныхъ интересовъ частнаго лица; онъ могъ наконецъ просто бояться возложенной на него отвѣтственности. «Трудно здѣсь сдѣлать что-нибудь», доносить онъ кабинету; оберъ-раты говорятъ, что приглашать дворянство на новый сеймъ, предлагать ему уничтоженіе ими же совершеннаго избрашя—они согласятся развѣ тогда, когда «имъ ножъ на горло положить»; конечно, «принудить можно, заключалъ онъ, только ежели они то учинять съ принужденіемъ, будетъ ли все то дѣло прочно?» (1).

Съ своей стороны Морицъ писалъ къ графу Остерману (2), жалуясь, что князь Меньшиковъ, собравъ курляндскихъ оберъ-ратовъ, грозилъ имъ въ случаѣ неисполненія его требованій Сибирью, и вступленіемъ въ герцогство двадцати тысячнаго скаго корпуса. «Все это дѣлается, продолжаетъ онъ, на основаніи вѣрительной грамоты ея императорскаго величества, данной князю Долгорукову. Чтò сказала бы Россійская имперія, если бы подобнымъ образомъ вздумали поступать съ народомъ, находящимся подъ ея покровительствомъ?..» «Состояніе Европы таково, заключаетъ Морицъ, что малѣйшая искра можетъ произвести всеобщій пожаръ!» Это было совершенно справедливо: вся Европа была раздѣлена на два военные стана, изъ коихъ одинъ назывался ганноверскимъ союзомъ, другой вѣнскимъ; на западѣ Европы уже лилась кровь, и Россія была, можно сказать, наканунѣ формальнаго разрыва съ Англіей,

(1) Донесеніе Долгорукова, отъ 8 іюля.

(2) *Hist. de Maurice etc. Leben und Thaten*, etc.

Дашей и Ганноверскою лигой: необузданныя дѣйствія Меньшикова относительно Курляндіи и Польши могли именно кинуть ту искру, о которой говорилъ графъ Морицъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нашъ резидентъ въ Варшавѣ, Бестужевъ-Рюминъ (1), препроводилъ въ Петербургъ ноту польскаго правительства, которое горько жаловалось на самоуправные поступки князя Меньшикова въ Митавѣ и требовало въ нихъ объясненія: все это придавало новыя силы партіи, дѣйствовавшей въ Петербургѣ противъ Меньшикова. Полагаютъ, что уже погибель его была тамъ рѣшена, и готовилось распоряженіе о его арестованіи (2); но старый его политическій другъ, а порой соперникъ, очень сильный при дворѣ человекъ, Бассевичъ, спасъ его. Меньшикову однакожъ велѣно рескриптомъ отъ имени самой императрицы (отъ 16 іюля) возвратиться въ Петербургъ, а равно и Долгорукову, который «бытностію своею тамъ (въ Митавѣ) подозрѣшіе учинить»; въ дозволеніи же ввести дивизію Бока въ Курляндію рѣшительно отказывала.

Послѣ всѣхъ этихъ, неоднократно повторявшихся порицаній его образа дѣйствія и приглашеній возвратиться, казалось бы уже ничего не оставалось Меньшикову, какъ покориться силѣ обстоятельствъ и спѣшить въ Петербургъ, гдѣ, какъ онъ не могъ конечно не знать, у него было много сильныхъ враговъ. Но какъ и явиться безъ всякаго успѣха? Одинъ только успѣхъ могъ возстановить его кредитъ. Онъ ручался за готовность Курляндцевъ признать его своимъ герцогомъ: какъ было ему теперь отказать отъ своихъ увѣреній? Онъ сваливалъ, сколько можно, свою неудачу на непредвидѣнныя причины, на нерадѣніе, на примѣръ Бестужева, «о нашихъ интересахъ»; Бестужева онъ и предалъ суду... Но всего этого было еще недостаточно: ему необходимо было оправдать свои насилія полнымъ успѣхомъ, и для этого онъ прибѣгнулъ къ новому, неслыханному насилию: по приказанію его, отрядъ изъ восьмисотъ человекъ, окружилъ домъ, въ которомъ жилъ Морицъ, съ намѣреніемъ захватить его. Предупрежденный вовремя, Морицъ приготовился къ оборонѣ; роздалъ оружіе шестидесяти человекамъ, составлявшимъ его

---

(1) Сынъ находившагося въ Митавѣ; нота, о которой здѣсь говорится, помѣщена въ *Leben und Thaten*; отвѣтъ на нее находится въ числѣ бумагъ, которыми былъ снабженъ Ягужинскій, при отправленіи его на гродненскій сеймъ.

(2) *Царств. Екатерины I*, Арсеньева.

свиту, и русскій отрядъ, приближавшійся безъ шума, подъ покровомъ вечерняго сумрака, былъ встрѣченъ залпомъ. Завязалась перестрѣлка; люди начали падать съ той и съ другой стороны, треевога и смятеніе распространились по всему городу. Наконецъ приближеніе отряда герцогской гвардіи, посланнаго Анной Іоанновной, положили конецъ этому происшествію, къ которому трудно приискать достойное названіе. Русскіе удалились, потерявъ 16 человѣкъ убитыми и больше 60 ранеными.

Такъ описывается это происшествіе во французской біографіи Морица (1), откуда оно перешло во всѣ иностранныя сочиненія, касавшіяся этого предмета. Въ донесеніяхъ Долгорукова о немъ, правда, не упоминается; но какъ было и доносить о такомъ вопіющемъ беззаконіи? Между тѣмъ въ иностранныхъ извѣстіяхъ происшествіе это писано очень обстоятельно, даже съ указаніемъ числа, когда оно случилось, именно 17 іюля, то-есть ввечеру передъ отъѣздомъ герцогини въ Петербургъ (2), и мудрено заподозрить достовѣрность извѣстія.

Подвигъ этотъ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ Меньшикова въ Курляндіи. 17 числа прекращаются донесенія къ нему Долгорукова, а 21 іюля онъ уже былъ въ Петербургъ (3). Съ этого времени переписка по курляндскому дѣлу теряетъ свой политическій характеръ и получаетъ, можно сказать, полицейскій, потому что ограничивается отысканіемъ Шульжицы, секретаря Бестужева, и переводчика Гаврилы, которые требовались въ Петербургъ, вслѣдъ за самимъ Бестужевымъ, по оговору Меньшикова, а также первыхъ виновниковъ избранія Морица, фонп-Бракеля и Карппа... черта, ярко характеризующая злой, мстительный нравъ и безграничное самоуправство Меньшикова. Ему хотѣлось выместить на какомъ-нибудь свою неудачу и доказать, что не онъ ошибался или обманывалъ, говоря о желаніи Курляндцевъ имѣть его своимъ герцогомъ, а безопасность нашего посланика и плутовство второстепенныхъ агентовъ лишили Россію случая утвердиться въ Курляндіи. Впрочемъ, Бестужевъ безъ труда оправдался, и мы скоро опять увидимъ его въ Митавѣ. Что ка-

(1) *Hist. de Maurice*, 220. *Gesch. d. russ Staats*, Hermann, 485.

(2) Долгоруковъ доноситъ Меньшикову отъ 16 іюля, что она въ слѣдующую ночь выѣзжаетъ изъ Митавы.

(3) Это видно изъ камеръ-фурьерскаго журнала 1726 г. Долгоруковъ писалъ ему еще и 24 числа, но уже очевидно въ Петербургъ.

сается до князя Долгорукова, то онъ тяготился неблагородною обязанностію, на него въ это время возложенною, и дѣйствовалъ посредствомъ Виста и Центировича, второстепенныхъ и беззавѣтныхъ клевретовъ Меньшикова. Онъ и вообще тяготился пребываніемъ своимъ въ Митавѣ; за недѣлю съ небольшимъ до своего отъѣзда, онъ писалъ къ Макарову: «о здѣшнемъ вамъ донести нечего, кромѣ того, что живу въ такой скукѣ, въ какой отроду не живалъ. Ежелибъ были у оконъ рѣшетки желѣзныя, то бы самая была тюрьма.» Получивъ наконецъ приказаніе возвратиться въ Петербургъ 26 іюля, онъ въ тотъ же день выѣхалъ, оставивъ управленіе дѣлами Висту.

За лихорадочною дѣятельностію, обнаруженною русскимъ правительствомъ или его представителями въ Курляндіи, наступила полная апатія; да и взглядъ правительства на это дѣло значительно успокоился: къ одной только сторонѣ его оно не оставалось и не должно было оставаться равнодушнымъ: ни за что не хотѣло оно допустить присоединенія Курляндіи къ Польшѣ и раздѣленія ея на воеводства. Впрочемъ, дальнѣйшій интересъ вопроса перемѣщается теперь изъ Митавы въ Гродно, гдѣ дѣлались приготовленія къ открытію сейма, и куда мы приглашаемъ читателей послѣдовать за польскимъ шляхетствомъ, стекавшимся со всѣхъ концовъ Польши и Литвы.

Польша въ XVIII столѣтіи представляетъ любопытнѣйшій предметъ для изученія. Въ то время, какъ всѣ особенности отдѣльныхъ національностей болѣе или менѣе стирались передъ уровнемъ обще-европейской цивилизаціи, Польша шла, какъ будто наперекорь и упорно сохраняла свою національную одежду, свой кунтушъ, сапожки съ окованными каблуками, не обращая вниманія на то, что даже на самыхъ оконечностяхъ европейскаго материка, въ Испаніи, ея классическій плащъ и сомбреро, въ Россіи фезъ и мурмолка уступили мѣсто французскому кафтану и трехугольной шляпѣ; Польша обнаруживала религіозную нетерпимость тогда, когда правительства и народы начинали руководствоваться идеями либеральными въ дѣлахъ вѣры; во всѣхъ государствахъ Европы высшее дворянство тѣснилось вокругъ трона, придавая дворамъ небывалый дотолѣ блескъ и моральное вліяніе, въ Польшѣ больше нежели когда-нибудь магнаты стремились къ жизни особнякомъ, посреди своихъ необъятныхъ владѣній, въ великолѣпныхъ своихъ замкахъ, вокругъ которыхъ разрастались мѣстечки и города.

Къ сожалѣнію, этотъ храбрый, остроумный, симпатичный, свободолюбивый, но политически еще не созрѣлый народъ, не умѣлъ справиться съ мудреною формою правленія, которая въ немъ вырабатывалась. Въ средѣ его шляхетства, дружнаго въ любви къ отечеству и свободѣ, возникали безпрестанныя *факціи*, но не образовалось ни одной правительственной партіи; въ главѣ ихъ мы видимъ имена, но не видимъ принциповъ; видимъ много энтузіазма, но не замѣчаемъ правительственного знанія и практической мудрости.

Всѣ эти характеристическія черты государственной польской жизни съ поразительною ясностію выражались на сеймахъ, и между прочимъ на гродненскомъ, куда приводитъ насъ теперь ходъ нашего разказа.

Съ конца августа (1726) Гродно и его окрестности начинали принимать оживленный видъ; съ юга, востока и запада, со всѣхъ концовъ Литвы и Польши собирались туда депутаты, представители воеводствъ и повѣтовъ, одни въ огромныхъ каретахъ, цугами съ цѣлыми эскадронами шляхтичей-прислужниковъ, другіе верхомъ въ потертыхъ кунтушахъ, но гордые видомъ, не менѣе какого-нибудь Сангушки или Радзивилла. Выѣхалъ и король изъ Варшавы, 10 сентября (1), съ своимъ дворомъ и министрами, съ тѣми по крайней мѣрѣ, которые не составляли противъ него слишкомъ систематической оппозиціи. Онъ ѣхалъ медленно, останавливаясь въ замкахъ знатныхъ Поляковъ, у которыхъ находилъ роскошное гостепріимство; у графа Броницкаго, напримѣръ, въ Бѣлостокѣ, онъ прогостилъ три дня, пируя, какъ въ молодые годы, травя зайцевъ и лисицъ, и пріобрѣтая приверженцевъ между многочисленными гостями короннаго хорунжаго.

Подобно королю, дѣйствовали и знатнѣйшіе изъ магнатовъ: каждый изъ нихъ старался ласковостію, хлѣбосольствомъ или подарками составить себѣ партію на предстоящемъ сеймѣ, и вотъ почему бывали въ Польшѣ: партія королевская, партія примаса, партія Потоцкихъ или Сапѣгъ, но никогда не могла составиться партія во имя такой-то правительственной системы.

---

(1) *Diaryusz*, или повседневная записка сейму, приложенная къ донесеніямъ Ягужинскаго изъ Гродно, а также *Journal de la diète de Grodno*, актъ офиціальный, которыми мы руководствуемся во всемъ, что касается этой части нашего труда.

Вслѣдъ за королемъ выѣхали посланники иностранныхъ державъ, между которыми своею пышною представительностію и вліяніемъ на короля отличался посолье германскаго императора, графъ Кинскій, папскій нунцій, глава католической арміи, получавшій свои инструкціи изъ Рима, и англійскій резидентъ Финчъ, въ послѣдствіи находившійся при нашемъ дворѣ, вооружившій противъ себя всѣхъ Поляковъ своею британскою нетерпимостію и рѣзкостію. Былъ въ числѣ другихъ и представитель Курляндскаго герцогства, Рутенбергъ (1), но положеніе его было самое печальное: никто не хотѣлъ его слушать; въ обращеніи съ нимъ патріоты едва удерживались въ границахъ обыкновенныхъ приличій. Со стороны русскаго правительства, независимо отъ находившагося въ Варшавѣ Бестужева-Рюмина, былъ въ Гродно отправленъ графъ Ягужинскій, одинъ изъ тѣхъ людей неизвѣстнаго происхожденія, съ разнообразными способностями, на все годныхъ, на все готовыхъ, съ эластическою совѣстію, неутомимыхъ въ трудѣ и удовольствіяхъ, какихъ любилъ Петръ I. Веселаго нрава отъ природы, уживчивый, когда голова его не слишкомъ шумѣла, искусно скрывая подъ открытыми добродушными манерами порядочную дозу лукавства, охотникъ щегольнуть и поставить ребромъ копѣйку, онъ казался особенно способнымъ вести дѣла съ Поляками, и былъ нерѣдко употребляемъ покойнымъ императоромъ по дипломатическимъ порученіямъ. Данною ему инструкціей (2) предписывалось между прочимъ возбуждать умы противъ утвержденія на польскомъ престолѣ саксонской династіи, а по курляндскому дѣлу не допускать присоединенія герцогства къ Польшѣ, и отстаивать права Курляндіи на избраніе себѣ правителя, при чемъ ходатайствовать за нашихъ кандидатовъ, «кромя князя Меньшикова», и всѣми силами устранять Морица и принца Гессенъ-Кассельскаго, какъ людей саксонской или польской партіи. Относительно ихъ, а также относительно присоединенія Курляндіи, ему предписывалось не дѣлать ни малѣйшихъ уступокъ, и, если нужно, даже *разорвать сеймъ*... Для этого разумѣется надо было имѣть нашему послу на сеймѣ нѣсколькихъ или хоть одного приверженца, который въ рѣшительную минуту крикнулъ бы: *velo* или *nie pozwalam*. По силѣ польской конституціи, какъ извѣстно, одинъ голосъ могъ

---

(1) *Curland* etc.

(2) Отъ 22 августа.

остановить рѣшеніе цѣлаго сейма. Дѣло Ягужинскаго было, слѣдовательно, не легкое: онъ долженъ былъ дѣйствовать и противъ партіи короля, и противъ партіи патріотовъ; для облегченія этой обязанности, ему была отпуѣдена довольно значительная по тогдашнему времени сумма: 15 тысячъ рублей.

Ягужинскій пріѣхалъ въ Гродно 16 сентября. Всѣ депутаты уже были въ сборѣ; городъ кипѣлъ народомъ; вездѣ гремѣли низко подпоясанныя сабли, развѣвались отброшенные за плеча рукава кунтушей, перебранивались между собой слуги, ржали осѣдланная кони. До начала засѣданій благородное шляхетство занималось дѣланіемъ визитовъ, пирами и предварительными спорами. Наконецъ, 17 числа, послѣдовало торжественное открытіе сейма. Утромъ собрались въ королевскій замокъ министры и сенаторы, примасъ и епископы, наконецъ депутаты; въ 10 часовъ король вышелъ къ нимъ, и въ сопровожденіи всѣхъ отправился въ костелъ, гдѣ была совершена парадная обѣдня, а по окончаніи ея, дворъ и депутаты «чиновно» проводили короля до замка, а сами поспѣшили открыть засѣданіе. Оно началось рѣчью маршала депутатовъ, графа Потоцкаго, который распространился объ отеческой любви короля къ своимъ подданнымъ и пригласилъ собраніе, вкупѣ съ палатой сенаторовъ, отправиться къ его величеству для обычнаго привѣтствія. Послѣ Потоцкаго стали говорить другіе; требовали, чтобы прежде всего приступлено было къ повѣркѣ правъ депутатовъ на ихъ званіе, поднимали частные вопросы, напримѣръ о дороговизнѣ соли и дурномъ управленіи казенными солонницами,—и разошлись за наступленіемъ вечера, ничего не постановивъ. Совершенно то же самое повторилось и на слѣдующій день; наконецъ на третій, не рѣшивъ еще вопроса ни о повѣркѣ правъ, ни о привѣтствіи королю, произнесено было въ первый разъ слово о курляндскомъ дѣлѣ. Это былъ самый щекотливый и чувствительный вопросъ изъ всѣхъ, которые предстояло разсмотрѣть на гродненскомъ сеймѣ. Предложеніе было сдѣлано Сокольниковымъ, депутатомъ познанскимъ; онъ протестовалъ противъ избранія Морица и требовалъ строгаго наказанія всѣмъ, содѣйствовавшимъ этому избранію. Какъ капля кислоты, опущенная въ стаканъ воды, слова эти вскипятили собраніе. Заговорили разомъ сотни голосовъ. Одни требовали немедленнаго наказанія Поцея и другихъ «измѣнниковъ», другіе убѣждали выслушать прежде, чѣмъ обвинять, ихъ оправданіе; третьи уговаривали отложить все это

дѣло, а первоначально заняться повѣркой правъ и привѣтствіемъ короля. Шесть дней сряду отъ ранняго утра до темнаго вечера возобновлялись споры, шумъ, брань по этому предмету. Нѣсколько разъ дѣло доходило даже до сабель. Ягужинскій привелъ въ дѣйствіе всѣ средства, какими только могъ располагать. Когда головы горячихъ патріотовъ слишкомъ разгорались и рѣшеніе о немедленномъ присоединеніи Курляндіи готово было пройти, кто-нибудь изъ «нашихъ пріятелей», какъ ихъ называетъ Ягужинскій въ своихъ депешахъ, произносилъ свое *veto*, — и рѣшеніе пріостанавливалось. На другой, на третій день, послѣ долгихъ настояній, просьбъ, брани, угрозъ, *veto* снималось и пренія возобновлялись, до тѣхъ поръ, пока нашъ посланникъ, или глава какой-нибудь другой факціи, не находилъ нужнымъ пріостановить рѣшеніе.

Таковъ былъ механизмъ этихъ собраній, не вносившихъ въ бытъ народа зрѣлыхъ понятій о политической борьбѣ. Между-тѣмъ король видѣлъ, однакожъ, необходимость сдѣлать уступки столь энергически выражавшемуся патріотическому чувству. Онъ рѣшился послать Морицу предписаніе выѣхать изъ Курляндіи и немедленно представить актъ избранія для его уничтоженія, а Курляндцамъ вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось, чтобъ они перестали мечтать о возможности имѣть его своимъ герцогомъ (1). Это повелѣніе было сообщено сейму, но неудовлетворило патріотовъ, а Ягужинскій, котораго всѣ старанія клонились къ тому, чтобы протянуть время и не допустить курляндскаго вопроса до окончательнаго рѣшенія, выдвигалъ «нашихъ пріятелей», которые дѣйствуя за одно съ патріотами, шумѣли больше другихъ, кричали объ измѣнѣ и предлагали такія энергическія мѣры, которыя въ свою очередь встрѣчали сопротивленіе со стороны благоразумныхъ людей, и рѣшеніе откладывалось. Такъ напримѣръ, одинъ изъ депутатовъ, нѣкто Вызицкій, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что Морицъ, безъ сомнѣнія вслѣдствіе королевской грамоты, оставилъ было Митаву и ѣхалъ уже въ Гродно, но вдругъ передумалъ и съ дороги воротился назадъ. «Какая бы могла быть этому причина? говорилъ Вызицкій. Не очевидно ли, что между имъ и нашими *измѣнниками*, помогавшими его избранію, существуютъ и теперь тайныя сношенія?.. «Опять закипѣли головы, опять со-

---

(1) *Hist. de Maurice. Leben und Thaten, etc.*

браніе заводновалось! Ярые патріоты требовали немедленнаго рѣшенія о присоединеніи Курляндіи, настаивали, чтобы Морицъ былъ потребованъ въ Гродно, чтобы въ случаѣ послушанія, онъ былъ объявленъ «за бандита и инфама»; чтобъ онъ былъ лишенъ покровительства законовъ; чтобы всякій добрый Полякъ могъ застрѣлить его какъ общаго злодѣя... Все это провозглашалось при кликахъ одобренія огромнаго большинства и могло быть утверждено въ порывѣ необдуманнаго энтузіазма, заодно съ немедленнымъ присоединеніемъ Курляндіи. Но «наши пріатели» не дремали: одинъ изъ нихъ, Лубеницкій, видя, что вопросъ, можно сказать, виситъ на волоскѣ, закричалъ, чтобъ актъ объ этомъ былъ немедленно, не выходя изъ собранія, составленъ и рѣшеніе сейма объявлено. Это требоваше, безумное еслибъ оно было искренне, образумило самыхъ пылкихъ, но добросовѣстныхъ патріотовъ и подало умѣреннымъ возможность возражать; но Лубеницкій кричалъ, настаивалъ на своемъ предложеніи и грозилъ *разорвать сеймъ*. Умѣренные горячо возстали противъ него, пылкіе потеряли всякое терпѣніе, подозрѣвая предательство, грозили изрубить его, выбросить его за окно; но нашлись и такіе, которые съ меньшей запальчивостію заступились за право cadaго благороднаго шляхтича свободно объявлять свое мнѣніе и произносить *veto*. Напрасно маршалъ поднималъ свой жезлъ, увѣщевалъ, успокоивалъ. Сабли обнажились, кровь готова была пролиться... Потоцкій прекратилъ засѣданіе и кинулся къ королю, умоляя его доставить удовлетвореніе изступленной шляхтѣ и назначить срокъ, послѣ котораго Морицъ, если онъ не явится на сеймъ и не представитъ акта избранія, долженъ быть объявленъ измѣнникомъ отечества. Съ своей стороны Шембекъ, коронный канцлеръ, примасъ, епископъ краковскій и другіе начальники партіи, требовавшей присоединенія Курляндіи, настойчиво поддерживали Потоцкаго. Графа Флемингъ, старый любимецъ короля, но личный врагъ Морица (1), говорилъ въ томъ же смыслѣ: все это поколебало Августа, который боялся слишкомъ раздражить націю, чтобы не закрыть своему законному сыну пути къ польскому престолу, — и требуемый актъ былъ имъ подписанъ (2). Но Морицъ рѣшился не покоряться поста-

---

(1) О личной неприязни Флеминга къ Морицу упоминалъ Долгоруковъ въ донесеніи отъ 7 мая.

(2) Актъ этихъ былъ собственно два: отъ ²⁶/₁₅ октября и отъ 9

новленію Рѣчи Посполитой. Получивъ повелѣнія короля представить избирательный актъ и выѣхать изъ Курляндіи, онъ написалъ ему письмо, въ которомъ представлялъ причины, побуждавшія его къ неповиновенію: «Я уже не принадлежу болѣе себѣ, писалъ онъ, и не могу отказаться отъ даннаго мною слова. Я занимаю видное положеніе въ арміи христіаннѣйшаго короля, гдѣ низость и измѣна не терпятся, не допускаются, не извиняются... Честь, государь, есть собственность каждаго человѣка, онъ одинъ за нее отвѣчаетъ; уклонившись отъ ея законовъ, хотя на минуту, я потерялъ бы навсегда право на милости вашего величества. Я былъ единодушно избранъ этимъ знаменитымъ дворянствомъ, которое уже нѣсколько столѣтій извѣстно своею преданностію Польшѣ, которое не мало содѣйствовало ея величію и выгодамъ, которое и нынѣ желаетъ лишь одного—оставаться ей вѣрнымъ; чувство, отъ котораго лишь одна крайность можетъ принудить его отказаться (1).»

Не извѣстно, было ли это письмо объявлено сейму: вѣроятно нѣтъ; иначе оно, безъ сомнѣнія, произвело бы такую бурю, какой еще не было съ открытія засѣданій. Но какъ ни актъ избранія не былъ доставленъ, ни самъ Морицъ не являлся, а напротивъ упорно оставался въ Курляндіи, то постановленіе объ объявленіи его «за инфама и бандита» вошло въ силу. Что же касается до судьбы Курляндскаго герцогства, то нашими ли стараніями, или вліяніемъ благоразумныхъ Поляковъ, смотрѣвшихъ на дѣло глазами практической мудрости, — слишкомъ крутыя мѣры были устранены. Избраніе Морица уничтожено, но формальное присоединеніе герцогства и раздѣленіе его на воеводства было отложено до смерти герцога Фердинанда, а для изслѣдованія дѣла о незаконномъ избраніи положено было назначить особую комиссію изъ значительныхъ сановниковъ, которой поручалось съ тѣмъ вмѣстѣ рассмотреть конституцію Курляндіи и сдѣлать измѣненія, которыя признаны будутъ необходимыми для предупрежденія на будущее время подобныхъ попытокъ. Такимъ образомъ немедлен-

ноября (30 октября); кромѣ того и передъ тѣмъ, Августъ писалъ сыну частнымъ образомъ, убѣждая его отказаться отъ своихъ претензій: на нихъ-то отвѣтомъ служитъ письмо Морица, приводимое вслѣдъ за симъ. (*Hist. de Maurice, etc.*)

(1) *Hist. de Maurice, etc.*

изъ библиот. имп. дворца

ный приговоръ надъ Курляндіей былъ отклоненъ, а съ нашей точки зрѣнія выиграть время—было уже важнымъ успѣхомъ. Назначеніе польской комиссіи для изслѣдованія по курляндскимъ дѣламъ не устрасило проникательнѣйшихъ изъ нашихъ государственныхъ людей. «Она, писалъ Ягужинскій (1), можетъ, какъ и прочія ихъ дѣла, постановленные на сеймѣ, которыя современемъ безъ дѣйства останутся, такъ же сама отъ себя постигнуть»... Важно было то, что герцогское званіе не было уничтожено, «чѣмъ впредь могли бы, замѣчаетъ нашъ посланникъ, у насъ отнять руки отъ Курляндш» (2).

Между тѣмъ, опредѣленный для сейма срокъ истекалъ, депутаты были утомлены, большая часть ихъ начинала тяготиться расходами, которые неизбежны въ подобныхъ обстоятельствахъ. Поэтому, 31 октября послѣдовало закрытіе сейма. Въ 9 часовъ утра депутаты собрались въ залу или *избу*, по-польски, и оттуда, подъ предсѣдательствомъ маршала, отправились въ залу сенаторовъ, куда прибылъ и король съ своею свитой. Когда всѣ заняли свои мѣста, Потоцкій обратился къ собранію и спросилъ: угодно ли будетъ ему прослушать постановленія оканчивающагося сейма; присутствующіе отвѣчали *xgoda* (согласіе), и чтеніе началось. Хотя, безъ сомнѣнія, всѣ статьи этой такъ-называемой сеймовой конституціи, были обсуждены и рассмотрѣны предварительно, и въ ней повторялись только опредѣленія прежнихъ засѣдашій, тѣмъ не менѣе не обошлось и въ нынѣшній разъ безъ шума, споровъ, протестацій и угрозъ. Голодъ заставлялъ нѣсколько разъ прерывать засѣданіе, но оно собиралось снова и протянулось *до восьмага часу утра*. Король, отяжелѣвшій отъ лѣтъ, да и привыкшій, кажется, придавать лишь весьма умѣренное значеніе всему этому шуму, подремалъ большую часть времени въ своихъ креслахъ, а когда чтеніе было наконецъ за всеобщимъ изнеможеніемъ окончено, сеймовый маршалъ произнесъ, обращаясь къ королю, заключительную рѣчь, на которую отвѣчалъ отъ его имени канцлеръ Шембекъ. Затѣмъ король всталъ и, въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ, отправился въ костель іезуитовъ, гдѣ съ большою пышностію было совершено благодарственное молебствіе.

Извѣстіе о рѣшеніи гродненскаго сейма произвело на Курляндцевъ глубокое впечатлѣніе. Оставленные королемъ, они

(1) Донес. Ягужинскаго отъ 3 декабря.

(2) Письмо Ягужинскаго къ Меншикову отъ 10 октября.

должны были или рѣшиться возстать противъ польскаго государства одни, чтобы поддержать данное Морицу обязательство, или искать покровительства Россіи, обѣщавшей защитить ихъ самостоятельность; но при этомъ надо было пожертвовать Морицемъ. Большая часть дворянства осталась вѣрно избранному ими герцогу: Бракель и старикъ фонъ-Бринкенъ были во главѣ этой партіи, которая, конечно, была самая многочисленная. Около этого времени нашъ посланникъ въ Митавѣ писалъ, что всѣ вообще тамъ любятъ его, «о немъ доброе говорятъ, что онъ достоинъ всякой чести, и, прибавляетъ онъ, ради его носить такое платье, какъ онъ, Морицъ» (1). Канцлеръ Кейзерлингъ и Сакенъ, маршалъ послѣдняго ландтага, начинали клониться на сторону союза съ Россією; фонъ-Брюггенъ колебался; но было нѣсколько человѣкъ и такихъ, которые старались наклонять умы къ безусловному повиновенію рѣшеніямъ городского сейма; таковъ былъ Косцюшко (2), курляндскій дворянинъ, но католикъ и постоянный партизанъ администратора, безпрестанно переѣзжавшій по его дѣламъ изъ Митавы въ Варшаву и обратно; онъ увѣрялъ, что Польша хочетъ, уничтоженіемъ герцогскаго достоинства, только оградиться отъ вмѣшательства въ дѣла Курляндіи иностранныхъ государствъ, но не думаетъ посягать на ея внутреннее самоуправленіе, и даже предоставить ей право голоса на сеймахъ. Это однакожъ мало кого увлекало и казалось не болѣе какъ «ловушкой» (3).

Что касается до Морица, то взирая на свое положеніе глазами французскаго дворянина и солдата, онъ считалъ, какъ мы видѣли, безчестнымъ отступить безъ боя, уклониться отъ опасности, не заботясь впрочемъ какія послѣдствія для края будутъ имѣть его рѣшеніе. Одушевленный тѣмъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ, онъ въ это время обнаруживаетъ лучшія стороны своей предприимчивой, смѣлой, увлекающейся натуры.

---

(1) Донесеніе графа Девіера отъ 10 января 1727.

(2) Не знаемъ, на чемъ основываясь, авторъ *Curland unter den Herzogen* пишетъ, что Бринкенъ и Кейзерлингъ подчинились рѣшенію гродненскаго сейма, и что Косцюшко и Брюггенъ противъ нихъ протестовали; онъ очевидно перепуталъ имена: Косцюшко былъ прежде, какъ и послѣ гродненскаго сейма, приверженцемъ Польши, а Бринкенъ и Кейзерлингъ подверглись въ послѣдствіи самому строгому преслѣдованію.

(3) Письмо Бестужева къ Ягужинскому. отъ 4 ноября.

Узнавши о болѣзни Короля Августа, на возвратномъ пути изъ Гродно задержавшей его въ Бѣлостокѣ (1), онъ летитъ туда, пренебрегая опасностію, которая ему угрожала на польской землѣ, гдѣ онъ былъ объявленъ «за инфама и бандита», и гдѣ всякій встрѣчный могъ застрѣлить его, не боясь ответственности. Старикъ былъ глубоко тронутъ этимъ поступкомъ своего сына, не имѣлъ духа бранить его за безразсудную отвагу, и со слезами умолялъ покориться необходимости возвратить актъ о своемъ избраніи и оставить Курляндію. Но Морицъ былъ непоколебимъ, и, пробывъ нѣсколько дней въ Бѣлостокѣ у графа Броницкаго, въ его великолѣпномъ замкѣ, уѣхалъ обратно въ Митаву, не только не подвергшись никакой опасности, но возбудивъ восторгъ и удивленіе со стороны Поляковъ. Курляндцы, какъ потомки старыхъ рыцарей, также не могли оставаться равнодушными къ рыцарскому поступку своего герцога. Презирая собиравшуюся отъ Польши грозу, онъ ободряетъ, электризуетъ ихъ; обнадеживаетъ участіемъ французскаго двора, сочувствіемъ *всѣхъ благородныхъ людей въ Европѣ*; скачетъ въ Германію, достаетъ тамъ денегъ, торопитъ вербовкой своей арміи, и снова возвращается въ Митаву, дѣятельный, довѣрчивый къ судьбѣ своей, внушающій и другимъ къ ней довѣріе.

Но въ сущности дѣло его было не въ блистательномъ положеніи. Добытыхъ имъ въ Германіи денегъ не могло стать надолго; сочувствіе французскаго двора и *всѣхъ благородныхъ людей въ Европѣ* можетъ быть и было на его сторонѣ, но не обнаруживалось никакимъ ощутительнымъ образомъ; маленькая его армія формировалась медленно; нѣкоторые изъ его партизановъ, какъ мы видѣли, начали охладѣвать къ нему; наконецъ, собственная вѣтреность лишила его и еще одной, довольно-сильной, поддержки, именно вдовствующей герцогини.

Мы видѣли, что она усердно ходатайствовала за него, что просила ходатайства и Меньшикова и Остермана о дозволеніи соединиться съ нимъ бракомъ; нѣтъ сомнѣнія, что блестящій Морицъ очень нравился ей. Послѣ попытки Меньшикова захватить его, она дала ему помѣщеніе въ собственномъ дворцѣ; но, поспѣвшимъ прибавить, сама въ то же время уѣхала въ Петербургъ, гдѣ горячо хлопотала о соединеніи съ нимъ своей судь-

---

(1) *Hist. de Maurice etc.*

бы. А между тѣмъ онъ легкомысленно игралъ этою привязанностью, заводилъ любовныя связи съ молодыми Курляндками и даже съ дѣвицами, принадлежавшими ко двору женщины, которой руки онъ искалъ. Еще во время ночнаго нападенія на его домъ случилось происшествіе, не оставшееся безъ огласки. Когда завязалась перестрѣлка между морицевыми людьми и русскимъ отрядомъ, нѣсколько нашихъ солдатъ перелѣзли черезъ заборъ, и пробрались садомъ къ дому, чтобъ его поджечь. Вдругъ въ это время видятъ они человѣка, который осторожно спускается изъ окна. Не сомнѣваясь, что это самъ Морицъ, они хватаютъ этого человѣка, и узнаютъ въ немъ молоденькую, хорошенькую Нѣмочку (1). Происшествіе это не замедлило разумѣется огласиться, и дошло ли оно или нѣтъ до слуха герцогини, не охладило однакожь ея къ вѣтреному искателю ея руки. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, случилось другое, еще болѣе громкое происшествіе. Морицъ завелъ любовную связь съ одною изъ придворныхъ дѣвицъ; когда все къ замкѣ засыпало, она выходила на крыльцо, гдѣ ожидалъ ее Морицъ, и, подъ покровомъ ночи, пробиралась въ его отдѣленіе; такъ продолжалось нѣсколько времени, и все шло благополучно. Наступила зима, выпалъ снѣгъ; Морицъ принужденъ былъ на рукахъ переносить свою красавицу, чтобъ она не промочила ногъ. Случилось разъ, что имъ попалась на встрѣчу старуха, принадлежавшая къ придворной прислугѣ: увидѣвъ какую-то колоссальную фигуру, съ развѣвающимся платьемъ, которая двигалась посреди ночнаго мрака, старуха испугалась, закричала, подняла тревогу—и тайна Морица была открыта (2).

Всѣ эти скандалы, которые вызываютъ у насъ улыбку, естественно оскорбляли герцогиню; находя со стороны Морица равнодушіе и вѣтреность въ замѣнъ своей привязанности, встрѣчая въ Петербургѣ непобѣдимое сопротивление супружеству съ нимъ, она и сама мало-по-малу къ нему охладѣла, и по мѣрѣ того, какъ Морицева звѣзда померкала, Биронова поднималась съ особенною яркостью (1).

---

(1) *Hist. de Maurice* etc.

(2) *Hist. de Maurice*.

(3) Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи Анны Іоанновны на русскій престолъ, Морицъ ѣздилъ въ Россію съ цѣлями, которыя угадать не трудно; но это было уже поздно: сердце императрицы было для него закрыто. (См. *Curland* etc).

Можно кажется съ достаточною достовѣрностію думать, что этому охлажденію Анны Іоанновны къ Морицу содѣйствовалъ человѣкъ, котораго мы сейчасъ назвали. Только двухъ качествъ никто никогда не отрицалъ у Бирона; всѣ соглашались, что онъ знатокъ въ лошадахъ и красивый мущина; эти два качества и были основаніемъ его необыкновенному возвышенію, хотя, конечно, лукавый умъ съ помощію безпощаднаго характера сдѣлалъ остальное. Въ качествѣ красиваго молодаго чело-вѣка, онъ былъ взятъ къ герцогскому двору, а первыя порученія, которыя были на него возложены, состояли въ покупкѣ лошадей; въ этомъ отношеніи онъ пріобрѣлъ въ короткое время большую репутацію; ему поручались закупки лошадей даже для петербургскаго двора. Именно лѣтомъ, 1726 года, было дано ему такое порученіе, и хотя онъ былъ уже въ это время камергеромъ,—лицо важное въ маленькомъ курляндскомъ мірѣ, такъ что Бестужевъ предупреждаетъ посланника нашего въ Варшавѣ о его скоромъ прибытіи и просить, «чинить ему вспоможеніе»,—но преобладающаго вліянія на герцогиню онъ тогда еще не имѣлъ; въ противномъ случаѣ допустилъ ли бы онъ, чтобъ его разсылали по конскимъ заводамъ, когда шли соображенія о судьбѣ герцогини? Естественнo ли было бы ей горячо хлопотать за Морица?

Между тѣмъ, въ концѣ 1727 года или въ началѣ 1728 года, Биронъ, по словамъ нашего посланника, уже всѣмъ управлялъ въ Митаѣ (1) и управлялъ, замѣтимъ мимоходомъ, въ смыслѣ враждебномъ Россіи. Сближая между собою эти обстоятельства, мы приходимъ къ тому выводу, что вопервыхъ *вѣроятно* Биронъ способствовалъ охлажденію герцогини къ Морицу, или, по крайней мѣрѣ, что онъ заступилъ его мѣсто въ ея расположеніи, а вовторыхъ, что начало этого расположенія, несчастнаго для Россіи, относится къ пространству времени между исходомъ 1726 и исходомъ 1727 года.

Но возвратимся къ нашему предмету. Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвело на Курляндцевъ рѣшеніе гродненскаго сейма. Съ одной стороны раздраженіе противъ Польши усили-

---

(1) См. Письмо Бестужева въ приложеніяхъ къ *Царствованію Екатерины I*. Г. Арсеньевъ замѣчаетъ, что неизвѣстно, когда написано это письмо; слова этого письма: «Во время здѣсь польской комиссіи управлялъ Биронъ», указываютъ, что оно писано не ранѣе конца 1727 года, ибо изъ Курляндіи комиссія эта вышла въ началѣ декабря.

лось до того, что грозило явнымъ ей сопротивленіемъ; съ другой, нѣкоторые болѣе робкіе люди начинали склоняться передъ тяжелою необходимостію, а въ концѣ и той и другой перспективы находилась одна развязка—присоединеніе Курляндіи къ Польшѣ, развязка для насъ не выгодная, и которую здравая политика повелѣвала предупредить. Надо было напомнить Курляндцамъ, что мы готовы защищать ея самостоятельность и право избранія себѣ герцога, лишь бы онъ не былъ изъ саксонскаго дома. Съ такимъ порученіемъ былъ отправленъ въ Митаву графъ Девіеръ. Явная цѣль его поѣздки состояла въ томъ, чтобы закупить въ Кенигсбергѣ бархату, парчи, кавалерскихъ уборовъ и пр. для двора; но секретною инструкціей ему предписывалось, проѣздомъ черезъ Митаву, остановиться тамъ подъ благовиднымъ предлогомъ, войти въ сношеніе съ расположенными къ намъ людьми, стараться усилить нашу партію, и, если можно, подѣйствовать, хотя бы и деньгами, на польскую коммисію, которой прибытіе ожидалось (1).

Девіеръ былъ въ это время санктъ-петербургскимъ генераль-полицеймейстеромъ, но съ тѣхъ поръ какъ грозная *дубинка* Петра I стояла въ углу и какъ никто не смотрѣлъ за исправностію мостовъ въ Петербургѣ (2), генераль-полицеймейстеръ сдѣлался придворнымъ человѣкомъ и цѣлые дни проводилъ въ дворцовыхъ переднихъ (3); онъ былъ человѣкъ умный, на все пригодный, какъ всѣ люди выдвинутые Петромъ, по почему былъ онъ выбранъ для исполненія дипломатическаго порученія. понять довольно трудно. Можетъ-быть выборъ этотъ былъ основанъ на извѣстной его враждѣ съ Меншиковымъ и на дѣятельномъ участіи его въ интригѣ, едва не низвергнувшей могущественнаго фаворита во время пребыванія его въ Курляндіи; правительство наше этимъ выборомъ желало, можетъ-быть, показать Курляндцамъ, что оно не имѣетъ теперь никакого намѣренія поддерживать своего прежняго кандидата. Но какъ

(1) Указъ графу Девіеру отъ 30 декабря 1726 г. и секретная инструкция отъ того же числа. Во многихъ иностранныхъ сочиненіяхъ упоминается о подобномъ же порученіи, съ которымъ ѣздилъ будто бы Толстой, сынъ графа Петра Андреевича, въ Митаву; но изъ нашихъ офиціальныхъ документовъ этого не видно.

(2) Петръ, ѣдучи однажды съ Девіеромъ въ одноколѣ и замѣтивъ неисправный мостъ, отколотилъ за то собственноручно генераль-полицеймейстера. См. *Слов. докт. люд.* г. Каменскаго.

(3) Hermann, *Gesch. d. Russ. Staats.*

бы то ни было, Девіеръ отправился въ Митаву, и употребилъ довольно странный, выходящій изъ дипломатическихъ обычаевъ способъ для удостовѣренія въ истинныхъ чувствахъ русскихъ партизановъ (1). Пріѣхавъ къ Бестужеву безъ шума и огласки, онъ просилъ его немедленно же пригласить къ себѣ всѣхъ тѣхъ Курляндцевъ, которые считались нашими приверженцами, не сказывая имъ о его пріѣздѣ, а самъ спрятался въ смежную комнату, изъ которой могъ слышать каждое ихъ слово. Приглашенные съѣхались; это были представители нѣсколькихъ благородныхъ курляндскихъ фамилій: Ренне, Сакенъ, Нолле, Бутлеръ, и двое изъ оберъ-ратовъ, Кейзерлингъ, всегда уклончивый, искательный, и фонъ-Брюгенъ, долго упорный нашъ противникъ. Между ими и Бестужевымъ завязался разговоръ, который Девіеръ изъ-за стѣны слушалъ со вниманіемъ; когда же убѣдился, что всѣ они уповаютъ только на Россію, то вышелъ къ нимъ, какъ будто только-что пріѣхавъ изъ Петербурга, показалъ Бестужеву свою вѣрительную грамоту, а затѣмъ обратился къ Курляндцамъ, именемъ государыни подтвердилъ имъ, что Россія ни подъ какимъ предлогомъ не допуститъ до присоединенія и раздѣла Курляндіи.

Девіеръ видѣлся также съ главными лицами противной партіи и наконецъ съ самимъ Морицемъ (2). Въ этотъ разъ Морицъ былъ несравненно мягче и уступчивѣе чѣмъ за полгода передъ тѣмъ, при свиданіи съ Меньшиковымъ; онъ представлялъ, что если русское правительство рѣшилось поддерживать самостоятельность Курляндіи, то для нея не можетъ быть важности въ томъ, кто будетъ тамъ герцогомъ, потому что власть герцога крайне ограничена; впрочемъ увѣрялъ въ своей преданности императрицѣ, и предлагалъ дать какое угодно ручательство въ томъ, что никогда не будетъ противиться русскимъ интересамъ. Кажется, что и Девіеръ принялъ съ нимъ совершенно другой тонъ нежели Меньшиковъ, можетъ-быть выразилъ ему свое участіе, только вслѣдъ за тѣмъ Девіеръ получилъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Трудно, кажется, придумать болѣе вѣрное средство для утвержденія вѣрности Курляндцевъ (относительно Россіи) и

(1) Донес. Девіера отъ 7 января 1727.

(2) Донес. Девіера отъ 10 января; онъ такъ описываетъ его наружность: «Персоною онъ походитъ много на отца, только выше его и пригожѣе; къ тому же онъ брюнетъ, и носитъ свои волосы долгиѣ.»

для внушенія довѣренности королю (польскому), какъ немедленно заключивъ брачный союзъ (Морица съ герцогинею); и какъ бракъ этотъ упрочиваетъ благоденствіе Курляндцевъ, которое вполне согласно съ интересами Россіи, то я осмѣливаюсь предложить вашему сіятельству, не боясь оскорбить васъ, десять тысячъ эку, если вы возьмете на себя этому содѣйствовать. Прошу ваше сіятельство не отказать въ принятіи этой суммы и считать это письмо не инымъ чѣмъ, какъ выраженіемъ моего уваженія; прошу также быть увѣреннымъ, что благодарность моя прекратится только съ моею жизнію, равно какъ и совершенная преданность, съ которою имѣю честь быть и пр.» (1).

Письмо это было писано, какъ кажется, рукою Морица, на французскомъ языкѣ, съ бездною ошибокъ; но смыслъ его былъ очень ясенъ: посланнику нашему предлагали дѣйствовать въ противность даннымъ ему инструкціямъ. Гражданская нравственность была несравненно ниже въ то время, которое мы описываемъ, нежели теперь: теперь не многіе рѣшились бы сдѣлать подобное предложеніе, то-есть нерѣшились бы сдѣлать его такъ безцеремонно; тогда же немногіе, думаемъ мы, имѣли доволночестности, чтобъ отъ него отказаться; никакая услуга не дѣлалась даромъ; Меньшиковъ въ подобномъ же случаѣ дѣлалъ подобныя предложенія, какъ мы видѣли, польскимъ вельможамъ, и ни одинъ посланникъ не отъѣзжалъ изъ Петербурга въ Варшаву или Гродно безъ особыхъ суммъ и подарковъ для раздачи благопріятствующимъ намъ лицамъ. Поэтому, читатель нашъ не посѣтуетъ, если мы помѣстимъ здѣсь цѣликомъ и отвѣтъ Девіера, *честнаго* Девіера, который однакожь, два мѣсяца спустя, былъ битъ кнутомъ рядомъ съ лихоимцомъ Писаревымъ (2).

«Полученное мною сего числа письмо повергло меня въ удивленіе и чувствительное водненіе, тѣмъ болѣе что, благодаря Бога, все мое предшествующее поведеніе можетъ служить доказательствомъ, что я не способенъ не только за нѣсколько тысячъ рейхсталеровъ, но и за сокровища всего свѣта

(1) См. приложение IV.

(2) Девіеръ, Скорняковъ-Писаревъ, графъ Толстой, Ушаковъ, Нарышкинъ и Иванъ Долгоруковъ, въ послѣдствіи фаворитъ Петра II, были обвинены Меньшиковымъ въ намѣреніи устранить отъ престола Петра Алексѣевича. Единственные и достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ находятся въ книгѣ г. Арсеньева: *Царствованіе Екатерины I*.

сдѣлать хотя самомалѣйшее отступленіе отъ порученія, возложеннаго на меня инструкціей моею всемилостивѣйшей государыни; это странное предложеніе, равно какъ и тому подобныя искушенія, предполагающія подлыя и низкія чувства въ томъ, къ кому они относятся, оскорбительны для честнаго человѣка. Въ вышеупомянутомъ дѣлѣ, въ которомъ ея величество удостоила избрать меня мелкимъ орудіемъ своей воли, я буду безъ всякаго уваженія къ видамъ частныхъ лицъ и чуждымъ интересамъ, равно какъ и безъ всякаго посторонняго вознагражденія, исполнять свои обязанности, какъ слѣдуетъ честному человѣку. Но еслибы дѣло это обратилось и въ вашу пользу, то всякій и безъ того долженъ помнить то, къ чему приличіе обязываетъ.»

Посольство графа Девіера не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Онъ долженъ былъ, завѣреніемъ въ участіи нашемъ, поднять русскую партію въ Курляндіи и поставить ее по крайней мѣрѣ въ уровень съ прочими, что было тѣмъ нужнѣе, что при дворѣ герцогини начиналось, какъ мы замѣтили, ощущаться вліяніе Бирона: въ чью пользу дѣйствовалъ тогда этотъ постоянный врагъ Россіи, не знаемъ, только конечно не въ пользу Морица.

Между тѣмъ приближалось время прибытія польской комиссіи въ Митаву. Мысль о ней сильно волновала Курляндцевъ. Морицъ рѣшился противиться, если нужно съ оружіемъ въ рукахъ, ея дѣйствіямъ; онъ опять поскакалъ за границу искать денегъ и солдатъ; былъ въ Саксоніи, но ко двору отца своего не являлся (1), не назывался герцогомъ, и уже соглашался носить титулъ только штатгалтера Курляндіи (2). Но польское правительство было глухо ко всѣмъ его предложеніямъ, избраніе его считало возмущеніемъ со стороны Курляндцевъ и подвергло заключенію курляндскаго депутата, Медема, присланнаго въ Варшаву ходатайствовать о сохраненіи самостоятельности герцогства. «Здѣсь только и рѣчи, пишегъ изъ Варшавы Ягужинскій, что о посылкѣ войскъ въ Курляндію, и эта ихъ безмозглая свирѣпость дастъ мѣру будущимъ дѣйствіямъ польской комиссіи въ Митавѣ» (3). И въ самомъ дѣлѣ «свирѣпость» эта была такова, что она только усиливала между Кур-

---

(1) *Leben und Thaten.* etc.

(3) Рескриптъ Бестужеву отъ 24 іюля.

(2) Письма Ягужинскаго къ Меншикову отъ 15 марта.

ляндцами ненависть къ польскому владычеству, и тѣмъ самымъ усиливала наниу и Морицеву партіи. Морицъ возвратился въ Курляндію моремъ, везя съ собою боевые припасы; митавскій замокъ дѣятельно приводился въ оборонительное положеніе; въ Ригѣ были собраны русскія войска, готовыя дѣйствовать по указанію обстоятельствъ. Развязка была близка и грозила быть кровавою.

Наконецъ, къ исходу лѣта, выѣхала изъ Варшавы знаменитая коммиссія, которая, по мнѣнію гродненскаго сейма, должна была привести къ благополучному окончанію курляндскія смуты. Коммиссію эту составляли: Шембекъ, епископъ эрмеландскій, Денгофъ, воевода плоцкій, Хоментовскій, воевода мазовецкій, графъ Огинскій, воевода троккскій. Первые два члена этой коммиссіи были извѣстны, какъ первые партизаны безусловнаго присоединенія Курляндіи; въ распоряженіе имъ дано было 5.000 войска (0): все это грозило оправдать предсказаніе графа Ягужинскаго. Морицъ принялъ рѣшительныя мѣры къ оборонѣ. Въ западной части Курляндіи есть довольно обширное озеро, называемое Уцмайсь, и посреди его островъ: стоило только укрѣпить его, и онъ обращался въ твердыню, окруженную со всѣхъ сторонъ природнымъ широкимъ рвомъ, которымъ мудрено было овладѣть безъ помощи флотиліи. Морицъ занялъ этотъ островъ, свезъ туда всѣ свои боевые, запасы, артиллерию, перевелъ всѣ триста человѣкъ, составлявшіе его армію, и наконецъ сдѣлалъ воззваніе къ курляндскому дворянству:

«Божіею милостію, писалъ онъ, мы Морицъ, графъ саксонскій, герцогъ курляндскій и симигальскій, бригадиръ (*maréchal de camp*) христіаннѣйшаго короля, нанимъ возлюбленнымъ и вѣрнымъ подданнымъ.» Такъ начиналъ Морицъ свой странный манифестъ, оскорбляя и правду, потому что онъ былъ обязанъ своимъ званіемъ народному избранію, и право, потому что, будучи только наслѣднымъ герцогомъ, не могъ безъ двойнаго возмущенія (противъ короля и правящаго герцога) дѣлать воззваніе къ народу; оскорбляя наконецъ законную гордость Курляндцевъ, потому что онъ ставилъ, рядомъ съ титуломъ ихъ герцога, чинъ въ арміи французскаго короля. «Вступленіе чуждыхъ войскъ въ Курляндію, вопреки народному праву, не оставляетъ сомнѣнія въ ихъ враждебныхъ намѣреніяхъ, значилось

---

(0) *Leben und Thaten.* etc.

въ манифестѣ, почему и повелѣвалось: «вооружиться всѣмъ могущимъ носить оружіе и спѣшить къ нему (Морицу), на островъ Уцмайскаго озера.»

Манифестъ этотъ не называетъ, какія это чуждыя войска вступили въ Курляндію, но понять не трудно, что говорится о Русскихъ, которые давно на-готовѣ ожидали въ Ригѣ, чѣмъ и какъ разыграется драма, завязанная въ Митавѣ. Нельзя конечно оправдать это дерзкое нарушеніе общественнаго права; вступленіе чужеземныхъ войскъ на какую-нибудь территорию есть всѣми признанный поводъ къ войнѣ, и Польша была бы конечно совершенно права, еслибъ объявила за это войну Россіи. Но, помимо этой теоретической истины, есть много соображеній, которыя вытекаютъ изъ внимательнаго разсмотрѣнія ближайшихъ обстоятельствъ. Россія не желала завоевывать Курляндію: она желала сохранить въ ней за собою то вліяніе, которое приобрѣлъ тамъ Петръ I; это была обязанность правительства передъ національнымъ чувствомъ. Чтò могла бы сказать Россія о своемъ правительствѣ, еслибъ оно осталось равнодушнымъ зрителемъ присоединенія къ Польшѣ этого герцогства, составляющаго нераздѣльное этнографическое цѣлое съ Лифляндіей и Эстляндіей? Какое орудіе оно дало бы Посполитой Рѣчи къ постоянному дѣйствію въ этихъ провинціяхъ? Было ли бы это простительно съ русской точки зрѣнія? И какія соображенія, какія теорія могутъ оправдать правительство, небрегающее національными интересами? Настоящій случай есть одинъ изъ тѣхъ, который съ точки зрѣнія абсолютнаго права разрѣшается очень просто и безспорно, но который однакожъ каждою изъ заинтересованныхъ сторонъ разрѣшается и будетъ всегда разрѣшаться по своему, вопреки всевозможнымъ успѣхамъ международнаго права. Чтò же касается до самой Курляндіи, то ей, конечно, все равно было: польскіе ли жолнеры или русскіе драгуны вступили бы въ ея предѣлы для низведенія избраннаго ею герцога. Россія по крайней мѣрѣ обнадеживала, что старинная ея форма правленія будетъ сохранена, что нѣкоторый призракъ самостоятельности останется за нею. Устраняя въ лицѣ Морица причину негодованія Рѣчи Посполитой, она желала отнять и поводъ ко вступленію въ Курляндію ненавистной польской комиссіи (1). Искусно отдѣливъ вопросъ о герцогскомъ досто-

---

(1) *Hist. de Maurice.*

инствѣ отъ вопроса объ особѣ Морица, Россія отдѣляла его личные интересы отъ интересовъ націи, и нація отступилась отъ Морица. Манифестъ его не произвелъ никакого впечатлѣнія; лишь нѣсколько человѣкъ, изъ числа курляндскаго дворянства, явились въ Уцмайское укрѣпленіе (2), и весь край не безъ прискорбія конечно, но безъ сопротивленія смотрѣлъ на вступленіе русскихъ колоннъ (3). Ими командовалъ Ласси, самый благородный и безукоризненный, если не самый блистательный изъ тогдашнихъ русскихъ генераловъ. Онъ обратился къ Кейзерлингу и Брюггену, наиболѣе расположеннымъ къ намъ оберъ-ратамъ, и пригласилъ ихъ посовѣтовать Морицу удалиться во избѣжаніе кровопролитія; но въ то же время онъ написалъ и польскимъ комиссарамъ, что Россія взяла на себя освободить Курляндію отъ претендента, и что затѣмъ не остается никакого повода ко вступленію польскихъ войскъ. Весьма естественно, что польская комиссія нашла представленія Ласси не довольно убѣдительными. Не болѣе успѣха имѣли убѣжденія Кейзерлинга и Брюггена у Морица, который засѣлъ, казалось, на смерть. Уцмайска и прочія укрѣпленія были еще не окончены, но работы тамъ кипѣли. Необходимо было слѣдовательно торопиться развязкой, тѣмъ болѣе что польская комиссія, а съ нею пятитысячное войско приближались. Подойдя къ озеру, Ласси (17 августа) послалъ генерала Бибикова къ Морицу, предложить ему честную сдачу. Морицъ потребовалъ десять дней на размысленіе; это была очевидно уловка съ его стороны, чтобы выиграть время; Ласси согласился ждать только двадцать четыре часа. Не знаемъ, какія средства имѣлъ онъ, чтобы предпринять, въ случаѣ отказа, атаку; но видно и положеніе Морица было не блестящее, потому что этотъ человѣкъ, котораго личная храбрость не подлежитъ сомнѣнію, не рѣшился прибѣгнуть къ оружію, а обратился къ переговорамъ и къ системѣ подкуповъ, которою онъ себя запятналъ, какъ мы видѣли уже и прежде. Онъ написалъ Ласси письмо, въ которомъ предлагалъ ежегодно выдавать Меньшикову сорокъ тысячъ ефимковъ, если онъ откажется отъ своего притязанія, которое можетъ вовлечь въ войну русскій дворъ

---

(1) Отрядъ Ласси состоялъ изъ трехъ пѣхотныхъ и двухъ конныхъ полковъ. См. Ласси въ *Словарь дост. люд.*

(2) Мысль эта именно выражена въ рескриптѣ къ Бестужеву отъ 24 іюля.

съ польскимъ, отчего возмутится и тишина всей Европы, а также двѣ тысячи червонныхъ тому, кто возьметъ на себя содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ (1). Но старый Ласси былъ честный солдатъ, а Меньшиковъ давно уже былъ вычеркнутъ изъ числа нашихъ кандидатовъ на курляндскій престолъ; притомъ извѣстіе объ этомъ предложеніи было получено въ Петербургѣ 9 сентября, въ тотъ самый день, когда любимецъ Петра и Екатерины, нареченный тестъ Петра II, отправлялся въ Березовъ.

Между тѣмъ двадцатичетырехъ-часовой срокъ, данный Морицу на размышленіе, истекъ; наступила ночь съ 18-го на 19-е августа, ночь темная, какія бываютъ въ концѣ сѣвернаго лѣта; на восточномъ берегу озера горѣли бивачные костры русскаго отряда; печально чернѣлъ одинокій островокъ посреди темной водной равнины. Въ это время отъ него тихо отчалила рыбацья лодка, тихо плыла она по гладкой зыби и тихо пристала къ западному берегу озера; закутанный въ плащъ человекъ вышелъ изъ нея, проворно сѣлъ въ ожидавшую его коляску и коляска понеслась по дорогѣ въ Виндаву. Этотъ человекъ, тайно оставившій Уцмайскій островокъ и Курляндію—былъ Морицъ (2).

Ровно черезъ недѣлю послѣ этого, вступила въ Курляндію польская коммиссія. Описаніе ея дѣйствій не относится къ предположенной нами задачѣ; скажемъ только, что ея удары обрушились болѣе на лица нежели на права курляндскаго народа. Старикъ фонъ-Бринкенъ, лѣтъ двадцать находившійся въ должности лондъ-гофмейстера, и Кейзерлингъ, канцлеръ, были смѣщены; а Косцюшко, приверженецъ герцога Фердинанда и католикъ, назначенъ въ число оберъ-ратовъ (3); что же касается до конституціи герцогства, то она была мало измѣнена, и герцогское достоинство, согласно рѣшенію гродненскаго сейма, осталось неприкосновеннымъ до смерти администратора Курляндіи. То и другое въ дѣйствіяхъ этой коммиссіи, которой патріотическія польскія чувства мы не имѣемъ никакого повода заподозрить, обратилось однакожь въ пользу русской по-

(1) *Словарь дост. люд.* біографія Ласси. Въ извѣстіи этомъ, котораго достовѣрность нѣтъ причинъ заподозрить, странно только то, что между предложеніемъ Морица и сообщеніемъ его Меньшикову прошло три недѣли.

(2) Рескриптъ Верх. Тайн. Совѣта отъ 5 декабря.

(3) Въ его память этотъ островъ получилъ названіе Морицгольма.

литикъ: сохраненіе герцогскаго достоинства дало ей возможность посадить, въ послѣдствіи, отъ руки своей, преемника Фердинанду, а гоненіе, постигшее нѣкоторыхъ знатныхъ Курляндцевъ, побудило ихъ искать убѣжища въ Петербургѣ, и въ первые годы царствованія Анны Іоанновны мы уже видимъ при русскомъ дворѣ Корфовъ, Кейзерлинговъ, Саценовъ, которые, конечно, не мало содѣйствовали къ утвержденію въ Курляндіи преобладающаго вліянія Россіи.

Дальнѣйшая судьба Морица также не относится къ нашему разказу. Герцогъ де-Лирія, проѣзжая черезъ Данцигъ въ качествѣ испанскаго посланника въ Россіи, встрѣтился съ нимъ, и вотъ что онъ о немъ разказываетъ (1): «Онъ былъ мнѣ очень хорошимъ пріятелемъ въ Парижѣ, и поэтому я былъ очень радъ, встрѣтившись съ нимъ здѣсь, и мы не разлучались во все то время, которое пробылъ я въ Данцигѣ. Онъ мнѣ подробно разказалъ о состояніи своихъ дѣлъ въ Курляндіи, и убѣдительно просилъ меня выхлопотать изъ рукъ русскаго министерства множество записочекъ, кои получилъ онъ отъ разныхъ дамъ и хранилъ въ сундукѣ, который отняли (2) у него Русскіе, и что въ томъ же сундукѣ находится журналъ любовныхъ шашней при дворѣ короля, отца его, примолвя, что ежели журналъ этотъ откроется, то надѣлаетъ ему много хлопотъ.»

Не извѣстно, были ль возвращены ему всѣ эти бумаги, но несомнѣнно то, что онъ въ послѣдствіи имѣлъ полную возможность собрать новую коллекцію подобныхъ записочекъ, и могъ, если желалъ, составить не менѣе интересный журналъ «любовныхъ шашней двора Лудовика XV.» Онъ жилъ долго, заключаемъ мы, какъ заключали свои романы писатели прежняго времени, и умеръ въ глубокой старости, не дѣлая никакихъ попытокъ къ возвращенію курляндскаго престола, но не пропуская однакожъ случая предъавлять о своихъ правахъ на него безвредными протестами (3).

Совершенно противоположна была судьба другаго героя нашего разказа, князя Меньшикова. До самаго паденія своего онъ не оставилъ своихъ претензій на Курляндію, и велъ объ этомъ какую-то таинственную, шифрованную переписку съ

(1) *Записки Дюка де-Лирія*, пер. Языкова.

(2) Правильнѣе было сказать: «которые онъ оставилъ въ своемъ бѣгствѣ». Онъ увезъ съ собою только избирательный актъ, съ которымъ и не разстался никогда.

(3) *Hist. de Maurice*. Milt. etc.

Ягужинскимъ въ бытность его въ Гродно (1); держалъ тамъ своего отъявленнаго клеветы, генерала Урбановича, котораго мы видѣли въ Митавѣ; посылалъ его съ письмами, которыя были наполнены обдуманно-неопредѣленными фразами, навстрѣчу членовъ польской комиссіи; предлагалъ, черезъ того же Урбановича, князю Сангушкѣ искать для себя курляндскаго престола, съ тѣмъ чтобы потомъ выдать свою дочь, Александру, за его сына. Все это видно изъ донесенія, которое Урбановичъ успѣшилъ сдѣлать послѣ паденія грознаго временщика, совсѣмъ цинизмомъ, къ какому способны подобные ему люди.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Сохранилась черновая письма Меншикова къ Бестужеву и вариантъ ея, по предмету его претензій на курляндскую корону; на верху листа написано: «въ цидулкѣ къ Бестужеву.» Подписи Меншикова нѣтъ, да на черновой и быть ея не могло; но содержаніе письма не оставляетъ сомнѣнія относительно письма автора.

Вотъ оно:

«Въ бытность вашего превосходительства въ С.-Петербургѣ, имѣлъ я съ вами разговоръ о прежней склонности нѣкоторыхъ тамошнихъ знатныхъ обывателей къ моей персонѣ, чего ради нынѣ, которые тогда желали меня въ князи курляндскіе, того ради, ваше превосходительство, пріятно прошу, извольте въ семъ дѣлѣ нашу сторону держать и къ лучшему способствовать, и съ тамошними, къ сему дѣлу склонными, которыхъ лучше знать изволите, пріятно разговаривая, и ихъ склонность выразумѣть; а для лучшаго всего интереса между нами корреспонденціи, посылаю къ вашему превосходительству (азбуку) и притомъ обнадеживаю, что сіе все, что къ нашей пользѣ учините, во всѣхъ случаяхъ заслужить не оставлю.»

Вариантъ:

«Въ бытность вашего превосходительства въ С.-Петербургѣ имѣлъ я съ вами разговоръ о прежней склонности нѣкоторыхъ тамошнихъ знатныхъ обывателей къ моей персонѣ, чего ради нынѣ, когда генераль-аудиторъ-лейтенантъ господинъ Центеровичъ просится въ Митаву для свиданія съ братомъ своимъ, предлагаемъ мы ему, дабы онъ съ совѣту вашего превосходительства и съ согласія съ братомъ своимъ, тамошняго управитель-

(1) См. письма Меншикова къ Ягужинскому, отъ 11 сентября и 15 октября, и письма Ягужинскаго къ Меншикову, отъ 1 октября и 9 ноября.

ства оберъ-секретаремъ, у нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ обывателей о нашей персонѣ упоминалъ и имъ прежнюю ихъ склонность къ нашей персонѣ упоминалъ, а ваше превосходительство пріятельнѣйше прошу» и пр., какъ въ первомъ.

II.

Въ письмѣ отъ Меньшикова къ Долгорукову отъ 2-го апрѣля 1726, написано цыфирью, какъ видно изъ перевода:

«Господинъ Бестужевъ изъ Митавы пишетъ, что королевское величество польскій предлагалъ курляндскому управительству, дабы *вабы* (ошибка въ цыфирѣ) выбрали кого желаютъ въ князи курляндскіе; а понеже тогда какъ іа въ первый разъ имѣлъ моремъ (?) въ Помераніи, многіе знатные изъ шляхетства курляндскаго мнѣ желали въ князи, и господинъ фельдмаршалъ Флемингъ и дворъ королевскій къ тому въ то время были склонны; того ради, ваше сіятельство, истиннаго моего друга, прошу, изволите въ семъ случаѣ меня помогать и мою персону у тамошнихъ министровъ какъ наилучше къ тому рекомендовать, и господину Флемингу и Шембеку, или кому ваша милость за потребно разсудитъ нѣкоторую сумму денегъ отъ меня обѣщать, дабы въ томъ помогли, ибо надѣюсь, что его королевское величество за ихъ промоцію оную милость мнѣ явить изволитъ, паче егда вѣрностию моею и услугами обнадеживанъ будетъ.»

III.

Барону Остерману отъ Меньшикова промеморія черновая безъ подписи:

«Решпектъ (рескриптъ?), посылаемый къ господину Бестужеву, высмотрѣтъ котораго заблагодарасуждаемъ (?) токмо сіе вашему превосходительству вновь напоминаю, не разсудите ли, ваше превосходительство за благо, чтобы въ ономъ решпектѣ къ Бестужеву предложить, дабы онъ у чиновъ курляндскихъ прежде обо мнѣ, нежели о другомъ, упоминался, ибо оныя уже въ 711 годѣ исклонилися меня выбрать въ свои герцоги, о чемъ тогда не токмо многіе чины курляндскіе мнѣ говорили и для того Веселовскаго (1) у себя оставили; но и королевское величество польской, также канцлеръ Шебекъ, Флеммингъ и прочіе министры были извѣстны; токмо въ томъ дѣлѣ отъ нашего двора учинена нѣкоторая препона, о чемъ надѣюсь, что ваше превосходительство извѣстны нынѣ. О томъ же дѣлѣ я къ разнымъ чинамъ курляндскимъ писалъ, также и къ польскимъ своимъ друзьямъ о семъ предлагалъ, которые меня обнадеживаютъ, что сіе дѣло на будущемъ сеймѣ къ моему авантажу предложить хотятъ; буде же чины курляндскіе къ моей особѣ склонятся, то тогда можно другаго кандидата, о которомъ въ решкриптѣ упомянуто, имъ представить. Сіе мнѣ кажется послать къ г. Бестужеву въ сепаратномъ решкриптѣ. Мая 24 дня, 1726 года.

(1) Веселовскій, въ послѣдствіи посланникъ нашъ въ Вѣнѣ, былъ, сначала секретаремъ Меньшикова.

IV.

Письмо графа Морица къ графу Девьеру подлинное, писанное Морицевою рукой.

Mitau, le premier de mars, 1727.

Monsieur (1).

Je crois que l'on trouveras difficilement de moi en plus sur pour assurer la constance des Courlandois, et pour faire agir le Roy avec confiance qu'en établissant au plus tot un mariage et comme ce mariage assurera solidement le honneur des Courlandois, et que l'interes de la Cour de Russye demande leur conservation, j'ose offrir a Votre Excellensse sans craindre de l'offencer, dix mille equs si elle peut porter les chosses promptement au point, que Votre Exceliencie ne me refuse pas la grasse d'accepter cette promesse, et qu'elle ne regarde celle lettre comme un hillet d'honneur que je luy en fais; je la pry d'estre persuadée que ma reconnaissance ne finiras jamais non plus le tres parfait attachement avec lequel je ne cesseray d'aitre

Monsieur

de Votre Excellence le tres humble et tres obisent serviteur
Maurice de Saxe.

Отвѣтъ Девьера подлинный, за его подписью.

Mitau ce 17 mars, 1727.

Monsieur !

Daro unter heutigen dato zugestelltes Schreiben hat mich beydes in Bestürtzung und auch in der empfindlichste *Alteration* gesetzt, und desto mehr, da Gott sey dank, ich mit meiner bisherigen *Conduite* jedermann überzeugt, dass *incapable* sey, nicht nur vor einige Tausend Rthlr. ja nicht vor allerwelt Reichthum, in denn von meiner committirten Angelegenheiten im geringsten *Point* anders zu Werke zu gehen, als die mir darüber erteilte *Instruction* es im Munde fuhret. Dieselben finden nach daro sonderbaren Begahniss Selbstn, Wie dergleichen *tentationes*, so allermahl ein *basses* und *laches* Gemüth angetroffen zu haben *prosuponiren*, emem ehrlichen Manne, allerdings schmerzlich nachgehen müssen. In ohangeregter gemeinschaftlichen *affaire* wobey Ihre Kaseyrl. Mayst. mich als ein geringes Werkzeug zu gebrauchen gewürdiget, werde ohne *particulatres egard* auff einige Person oder fremdes Interesse meine Schuldigkeit ohne alle abseitige Vergeltung so beobachten wie es emem *honnet homme* zusteht; sollte aber auch dieselbe zugleich in daro *faveur* ausfallen, so würde ja alsdann eingeder ohnedem sich dessen erinnern, wözu Ihn die *bienéance* anweist. Wönechst verbl^e mit schuldigem *Respect*

Monsieur

Votre tres humble et tres obeissant serviteur

Графъ 'А. Девьеръ.

---

(2) Ореографія принадлежитъ подлиннику.